

1952 И

102

ТРЕСКИНЪ

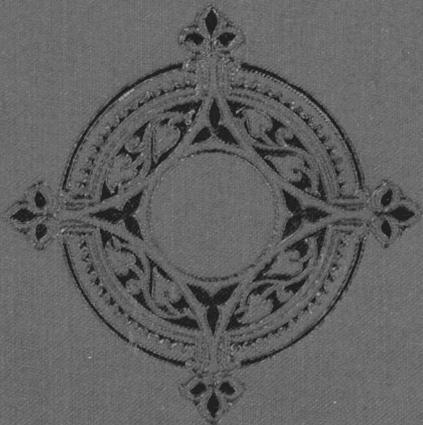
Н. ТРЕСКИНЪ

СЪВЕРНЫЙ КРАЙ

Европейской Россіи

и

ЕГО ПРОМЫСЛЫ

ДЕШЕВАЯ

БИБЛИОТЕКА

Н. ТРЕСКИНЪ

СЪВЕРНЫЙ КРАЙ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
и
ЕГО ПРОМЫСЛЫ

ИСТОРИЯ

ПОЭЗИЯ

РОМАНЪ

Издание А. С. СУВОРИНА

1952И
102

№ — ДШЕВЕАЯ ВИБЛЮТЕКА — 226

СЪВЕРНЫЙ КРАЙ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
И
ЕГО ПРОМЫСЛЫ

Н. ТРЕСКИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

1973 г.

ЯКІЯ

РОССІИ

N

ЕТО ПРОМЫСЛЫ

АННІЯТ .N

Допущено цензурою. С.-Петербургъ, 5 февраля 1892 г.

Типографія С. Суворина, Орбелевъ пер., д. 13

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. С. СУВОРИНА

I. Тундра.

Тундра—сѣверная окраина Русской земли.—Самоѣды—исконные обитатели тундры.—Сѣверный олень, безъ котораго самоѣдъ не ужился бы въ тундрѣ; сѣверный олень даетъ самоѣду возможность передвиженія, жилище, одежду, пищу.—Невоздержанность самоѣдовъ, характеръ ихъ. Самоѣды христіане и ихъ языческія вѣрованія.—Самоѣдскія женщины.—Охота въ тундрѣ: горностаи, куница, заяць, лисица, волкъ, медвѣдь, пеструшки.)

Сѣверный край Европейской Россіи, какъ и сѣверъ всего свѣта вообще, подошелъ къ водамъ Ледовитаго океана ровною, болотистою, мшистою низью. Такую низменную, провѣтую насквозь сыростью, мшистую ровень называютъ тундрою. Копнуть оттаявшую за лѣто тундру—захватишь черной грязи съ пескомъ и живыми корнями всякихъ водянистыхъ растений; и все это,—и грязь, и песокъ, и гнилое коренье, все прохвачено водой. Настоящій зыбунъ—только не просачиваетъ сквозь себя воду, а держитъ ее внутри себя. И не расплзается тундра въ явное болото только потому, что связали ее трускую

грязь и песокъ корешки приземистой травки и мху. И эта травка, и этотъ мохъ поросли по всей тундрѣ. По тундрѣ не поѣдешь въ нашей колесной телѣгѣ: какъ разъ прорѣжутся глубокія колеи, и колеса уйдутъ въ зыбунъ... Не поскачешь и на нашей толстоногой, грузкой лошади—провалишься. Оттого-то и ѣздить въ тундрѣ и зиму, и лѣто въ легкиѣ саночкахъ, на тонконогихъ сѣверныхъ оленяхъ... Вѣжить ли по тундрѣ стадо дикихъ сѣверныхъ оленей — тундра колышется, какъ овсяный кисель на доскѣ. Такова эта пустыня сѣвера въ лѣтнее время. И кажется, она на глазъ то красноватой отъ желѣзной ржавчины, то бѣловатой отъ сѣдого сѣвернаго мха, а то и зеленой отъ болотныхъ травъ. Стало быть, и у ней, у мертвой, есть свои красы.

Гдѣ въ тундрѣ столько воды, что ей не въ мочь держать эту воду, тамъ просочилось по ней уже настоящее болото. И по такимъ-то болотамъ, рѣкамъ и рѣчкамъ, лѣвно текущимъ по плоской тундрѣ, поросли жалкія подобія лѣса. Гдѣ вода, тамъ и дерево. Но какое это дерево на пустыряхъ крайняго сѣвера? Чуть не восьмидесячные холода да бури, дующія со стороны океана, остановили всякій ростъ по тундрѣ, и дерево если вырастетъ здѣсь, то развѣ по колѣно человѣку: и закрутится оно отъ слабости какимъ-то жалкимъ завиткомъ, точно волосъ на жидкой бородкѣ.

По суховатымъ мѣстамъ тундры, по кочкамъ растутъ вѣстѣ съ приземистымъ лѣскомъ, сланкой, еще и всякія ягоды: тутъ и сочная, крупная, про-

тивуцынготная морошка, и водянистая вороница, а поужьѣ—малина, вполтную усыпавшая тундру.

Всѣми этими скудными растеніями богата тундра на короткое лѣто; богата она лѣтомъ и тучами комаровъ. Но пришла осень,—заволокла все густымъ, тоску наводящимъ туманомъ; а тамъ и зима... Какъ желѣзомъ станетъ зима всю тундру: одна ледяная неоглядная гладь, развѣ не замерзнетъ какое болото, изъ котораго поднимаются тяжелые запахомъ сѣрные пары! И застелять тундру ослѣпительно бѣлые снѣга. Начинаются всякія невзгоды и непогоды,—благо мѣсто широкое и открытое, какъ ладонь. Начинаетъ вѣтеръ мести уже готовый, вынавший снѣгъ. Это поносуха. То тотъ же вѣтеръ разыграется въ то время, когда снѣгъ еще падаетъ; и въ такую погоду, называемую хивусомъ, мятеть и сверху, и снизу, и съ боковъ: свѣту Божьяго не видно. А то пойдетъ густой, но мокрый снѣгъ—рядна, или же начнутся чадеги—мелкіе, назойливые, туманные дожди.

Непогодистая сѣверная пустыня протянулась по окраинѣ Европейской Россіи на дѣлье 1000 верстъ въ длину (отъ рѣки Мезени до Уральскаго хребта); и на 500 верстъ прямо на югъ, гдѣ она, на югѣ Архангельской губерніи, мало-по-малу переходитъ въ лѣса. Съ большею теплотой, съ удаленіемъ отъ непривѣтнаго ледистаго моря въ глубь земли, растенія начинаютъ приподнимать голову; и чѣмъ южнѣе, тѣмъ они больше. И вотъ, наконецъ, они обступаютъ на югѣ тундру широкимъ поясомъ всякаго

темнозеленаго хвоя, — ели, сосны, а также лиственницы.

Мы не пересказали бы всѣхъ невзгодъ сѣверной пустыни, если бы не упомянули, какъ бѣдно свѣтитъ въ ней солнце. Держась ближе къ экватору, солнце свѣтитъ въ страну крайняго сѣвера издадека; солнечные лучи, ложась на сѣверъ косвенно, только скользятъ по землѣ и мало свѣтятъ, — не припекаютъ сверху, какъ на югѣ. На зиму же солнце такъ далеко западаетъ за южными землями, что на сѣверѣ отъ него нѣтъ никакого свѣта, и наступаетъ тамъ ночь; и ночь эта тянется долго, мѣсяцы. За то, когда на лѣто снова близится солнце къ сѣверу, то оно смотритъ такъ на ту горбушку земли, на которой полюсь, что, хоть и далеко оно, однако не закатывается цѣлые мѣсяцы. Оттого въ это время на сѣверѣ круглый день. Итакъ, во время долгой зимней ночи, тундра представляется вовсей своей тоскѣ: на неоглядной мертвой пустынѣ лишь отъ снѣгу идетъ слабый просвѣтъ, да гуляетъ по долгу на небѣ ясный мѣсяцъ.

Однако, и этой дальней стороны, среди ея безотрадныхъ зимнихъ мраковъ все-таки не забыла Премудрость Вожья. И бываетъ, по временамъ, въ темныя сѣверныя зимы чудесное явленіе на небѣ: стоитъ такой свѣтъ, что при немъ можно даже читать книгу. Положимъ, попали бы мы въ глубокую, декабрьскую, холодную и продолжительную тьму сѣвера на берегъ Ледовитаго океана. Бѣлѣтся океанъ предъ нами снѣжной ровенью во мракѣ, пропадая

въ непроглядной, хмурой, неосвѣщенной дали. Пошевеливается вся громада океанскаго прибрежнаго льда, засыпаннаго свѣгомъ, пошевеливается оттого, что въ минуту нашего прибытія море, какъ говорится, зажило: его вода идетъ на прибыль. Льды трутса и стонутъ. До ушей долетаетъ глухой гулъ; то, какъ будто неистово щелкаетъ что-то, то раздается невыносимый визгъ и трескъ. Бѣлая сплошная даль засѣрѣла; завидѣлись отдѣльныя льдины, неподвижная окраина берега, темныя полосы воды... а кругомъ безлюдье и дичь. А тамъ, въ глубинѣ сѣверной воздушной пустоты, тамъ мракъ кромѣшный: словно мрачное-дождевое, ненасытливое облако залегло тамъ и ширится на всю сѣверную часть неба. Но вдругъ темное облако разрывается. Сіяютъ ослѣпительные огненные цвѣта. Огненные искры сыплются сверху, снизу, съ боковъ. Точно работаетъ огромная кузница: видишь передъ собою какъ бы громадную кузнечную печь и бѣгающія по ней икры; все горитъ такимъ дивнымъ свѣтомъ, какого не увидишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Такіе-то какъ бы пожары воздушные въ полярныхъ странахъ называются сѣверными сіяніями, а у архангельцевъ — сполохами, отъ ихъ сходства съ пожаромъ (сполохъ — пожаръ).

Кажется, въ тундрѣ, посреди ея мрачныхъ зимъ, посреди ея сырости и холодныхъ вьюгъ — не житье человѣку. Человѣкъ, однако, и тамъ живетъ: и туда занесло его — благо тамъ много всякаго пушиного звѣря, всякой птицы и рыбы... И если ужъ не жи-

веть гдѣ человѣкъ, такъ развѣ только въ самой трущобѣ непрестанныхъ льдовъ сѣвернаго моря... По берегамъ многоводной рѣки Печоры, протекающей по тундрѣ Архангельской губерніи въ Сѣверный океанъ, живутъ русскіе и инородцы зыряне. Но есть и постоянные обитатели самой середины тундры — самоѣды. Они владѣтели ея искони. Когда русскіе пришли впервые на Печору, лѣтъ восемьсотъ тому назадъ, они застали самоѣдовъ уже хозяевами печорской пустыни.

Самоѣды жили когда-то въ странахъ теплыхъ, южныхъ, гдѣ солнце печетъ большимъ зноемъ. На югѣ Сибири и теперь еще существуютъ ихъ остатки. Вѣроятно самоѣдовъ вытѣснили въ холодную тундру Европейской Россіи, а также Сибири, другіе, болѣе сильные народы. Весь сѣверъ Россіи вообще занятъ народами, родственными самоѣдамъ.

Всѣ эти народы финскаго племени. Нѣкоторые изъ нихъ называютъ себя: саяслайсетъ, хомелайсетъ, откуда вѣроятно и произошло сначала русское названіе самоѣдъ, а потомъ и самоѣдъ, самоѣды.

Самоѣды отличаются своею особою, племенною наружностью. Они малорослы. Лицо у нихъ плоско, какъ доска, и широкоскулистое; толстыя губы; лобъ низкій; глаза маленькіе, въ прорѣзяхъ узкихъ, какъ щелки; носъ приплюснутый; волосы щетинистые и оттого прямые, какъ мочала, и черные какъ смоля; кожа желтая.

Самоѣду рѣшительно не ужиться бы въ топкой

тундрѣ, если бы не нашель овъ въ ней драгоцѣннаго звѣря, сѣвернаго оленя. Сѣверный олень видомъ своимъ напоминаетъ какъ бы и лошадь, и лѣснаго оленя другихъ странъ. Только онъ некрасивъ, даже уродливъ и малъ ростомъ. На головѣ его вѣтвистые рога. Онъ хилъ: если бы дюжій человѣкъ сѣлъ съ разскоку на него верхомъ, то переломилъ бы ему спинной хребетъ. Сѣверный олень созданъ для холодныхъ и безплодныхъ странъ крайняго сѣвера. Ему именно тамъ житье, куда временно развѣ только забѣгаютъ пушные звѣри — житье въ холодныхъ тундрахъ... Тепла онъ не выносить никакого; чѣмъ холоднѣе, тѣмъ ему лучше. Пищи онъ не знаетъ другой, кромѣ тундрянаго мха. Какъ бы ни занесло тундру снѣгами, сѣверный олень всегда найдетъ свою любимую, единственную пищу: онъ разроетъ копытцами снѣгъ, съумѣетъ докопаться до мшистой тундры и стало быть и до пищи. Самоѣдъ съ незапамятныхъ временъ приручилъ къ себѣ оленя, сдѣлалъ его такимъ же домашнимъ животнымъ, каковы у насъ лошадь, корова и овца. Первая услуга сѣвернаго оленя та, что, какъ мы видѣли, безъ него не двигаться бы самоѣду по тундрянымъ топямъ: олень ловко возитъ самоѣдскія сани по трясинамъ. Придется ли оленямъ, запряженнымъ обыкновенно по-трое въ санки, бѣжать по глубокому и топкому болоту, они удивительно легко и сильно выскакиваютъ изъ жидкаго мха и тины и дѣлаютъ дружный прыжокъ впередъ, послѣ чего, конечно, упадаютъ еще глубже въ болото; вто-

рымъ прыжкомъ, еще сильнѣе прежняго, они вырываются изъ грязи; и такихъ прыжковъ иногда приходится имъ дѣлать по нѣсколко; съ каждымъ скачкомъ они погружаются глубже и глубже, пока, наконецъ, не попадетъ имъ подъ ноги какая нибудь кочка, колода, а то и бревно, тамъ-сямъ разсѣянные по болоту... А послѣ того опять прыжки среди всякаго грязнаго киселя. Гдѣ бы тутъ нашей толстоногой лошади? Если случатся въ болотѣ окошки, или на мѣстномъ языкѣ талицы, олени такъ черезъ нихъ перепрыгиваютъ, что сами не успѣютъ, на быстромъ ходу, погрузнуть въ бездонной тинѣ. Любопытно также смотрѣть, какъ ведутъ себя олени, когда приходится заѣзжать съ ними въ чащу сѣверной лѣсной полосы. Пробѣгая по густому лѣсу, они умѣютъ такъ быстро и ловко двигать головами, что никогда не задѣнутъ рогами за сучья. Но при такой ѣздѣ сѣдокъ—только держись за сани и береги ноги: а то ихъ переломаешь какъ-разъ: олени пробѣгаютъ вплотъ подлѣ древесныхъ стволовъ. Черезъ кусты, мелкія и гибкія ели и сосны, кочки и свалившіяся старыя деревья олени легко перескакиваютъ. Если рытвина или проходъ между густыми деревьями такъ узки, что тройкѣ оленей нельзя пройти въ рядъ, то они вытягиваются гуськомъ. Также, если въ какомъ нибудь ручьѣ съ глубокимъ русломъ или въ оврагѣ нельзя двигаться троице вровень, они располагаются лѣстницей, такъ что ноги одного приходятся у спины, а то и выше головы другого; при этомъ олени не перестаютъ бѣ-

жать рысью; и сани подвигаются впередъ—лишь бы только прошли, хоть бы даже и бокомъ. При ѣздѣ на оленяхъ съ крутыхъ обрывовъ сани скатываются, какъ на салазкахъ; а по тонкому и гибкому льду едва замершихъ рѣкъ и рѣчекъ, мчатъ съ такою быстротою, что не проваливаются просто не имѣя времени провалиться. При всемъ этомъ олени не только не падаютъ, но даже не отступаютъ! А если случится, что при такой ѣздѣ постромка упадетъ въ щель раздвоенныхъ оленьихъ копытець, то гдѣ ужъ тутъ останавливаться—олень скачетъ на трехъ ногахъ, пока самъ не высвободитъ завязнувшей ноги. Оленей не удерживаетъ даже переправа черезъ рѣки. Если попадется на пути не глубокая рѣка, въ лѣсной мѣстности, достаточно перекинуть черезъ нее два дерева и набросать, на нихъ вѣтокъ: олени живо перевезутъ черезъ такой мостокъ. А въ самой тундрѣ, гдѣ лѣсу нѣтъ, или же черезъ широкую рѣку, тамъ переправа идетъ просто вплавь: сани влекутся плывущими оленями по водѣ. Конечно, при послѣднего рода переправѣ ѣдокъ весь вымокаетъ; но желѣзнокрѣпкому сѣверному люду это нипочемъ: онъ, какъ и олень, не знаетъ простуды. Недаромъ прозвали русскіе сѣвернаго оленя: земнымъ крыльемъ—онъ не бѣгаетъ по землѣ, а летаетъ, какъ птица въ воздухѣ!

Безъ оленя самоѣдъ не могъ бы устроить себѣ и жилища: вотъ на ровной тундрѣ завидѣлись какъ бы стоги сѣна, изъ острыхъ верховъ которыхъ идетъ дымокъ. Это переносныя самоѣдскія жилища, чумы.

Возьметъ самоѣдъ кольевъ, счеюмъ тридцать, во-
бьетъ ихъ кругомъ въ землю, а вершинами сведетъ
ихъ вмѣстѣ. Снаружи такой остовъ жилья укуты-
ваютъ два раза оленьими шкурами, кладя однѣ шкуры
шерстью внутрь, другія — шерстью наружу. Такая
покрышка не доходить до самаго остовера са-
моѣдскаго жилья: черезъ непокрытый верхъ свобо-
дно выходитъ дымъ отъ огня, разведеннаго внутри
жилья. Дымовыхъ трубъ нѣтъ, потому что и печей
нѣтъ. Какія печи въ переносномъ жильѣ? Надъ
огнемъ навѣшивается котелокъ, а въ немъ навари-
вается убогая похлебка. Огонекъ замѣняетъ и печку, и
кухню, и плиту. Дымъ тянется себѣ свободно вверхъ,
черезъ дыру, а сквозь нее видно надъ головою небо.
Правда, зачастую бываетъ дымно въ жильѣ, осо-
бенно если вѣтрено, и зачастую дымъ такъ ѣстъ
глаза, что съ непривычки невыносимо; зачастую и
дождь, и снѣгъ попадаютъ внутрь, но ко всему этому
привыкъ бѣдовикъ-самоѣдъ... Пола нѣтъ въ жильѣ
самоѣда: тундра просто-на-просто устилается посте-
лями изъ тѣхъ же оленьихъ шкуръ. И уютно въ хи-
жинѣ, и настолько тепло, насколько то нужно са-
моѣду; большаго же тепла онъ, какъ и олень, не
любитъ. Самоѣдъ потому устраиваетъ себѣ такія пе-
реносныя жилья, что ему приходится вести изъ-за
олений постоянную кочевую жизнь. Выѣдять олени
мохъ на одномъ мѣстѣ, стадо ихъ идетъ на другое,
а за ними и ихъ хозяинъ. Жилье живо разбирается:
оленьи шкуры снимаются, свертываются съ посте-
лями въ трубку и укладываются на легонкія саночки;

также вынимаются и укладываются въ тѣ же саночки
и колья, служащіе остовомъ жилью. Въ сани впря-
гутъ оленей. Поѣздъ готовъ; все трогается съ мѣста
до новаго привала. И вѣчно кочуютъ самоѣды по
тундрѣ. И никогда не выйти имъ изъ кочеваго со-
стоянія, а слѣдовательно, всегда быть имъ дикарями.
Гдѣ же сдѣлаться человѣку не дикимъ, когда при-
ходится ему всегда бродить, какъ лѣсному звѣрю?

Олень даетъ самоѣду защиту и отъ сѣверныхъ
бурь и холодовъ. Вся одежда, и мужская, и женская,
шьется изъ оленьихъ шкуръ и необыкновенно тепла.
Изъ ножныхъ шкурокъ молодого оленя весьма кра-
сиво шиваются теплые сапоги; подбираются подъ
цѣпъ темныя и свѣтлыя шкурки, такъ что вся
спивка кажется полосатой. Затѣмъ на тѣло надѣ-
вается одежда также изъ оленьихъ мѣховъ; она,
какъ и покрышка самоѣдскаго жилья, шивается изъ
двухъ шкуръ: одна шкура идетъ шерстью внутрь,
прямо на голое тѣло, другая — шерстью наружу.
Одежда эта — совершенный мѣховый мѣшокъ: только
въ мѣшкѣ этомъ прорѣзаны отверстія для головы и
рукъ. Когда же очень холодно, то поверхъ такого
мѣшка надѣвается еще другая одежда, изъ оле-
ньихъ же шкуръ, къ которой пришить колпакъ, за-
мѣняющій нашу шапку. Олень также источникъ вся-
кой пищи для самоѣдовъ: онъ даетъ имъ молоко; а
оленье сырое мясо, обмокнутое въ теплую оленью
кровь — лучшее самоѣдское лакомство. Надобно ви-
дѣть, какъ сверкаютъ маленькіе самоѣдскіе глазенки
въ ожиданіи такой кровавой пищи!

Понятно, что олень важнейшее богатство самоѣда. И въ старыя времена бывали нерѣдко въ Архангельской тундрѣ такіе самоѣды, у которыхъ считалось по пяти тысячъ головъ оленей. Если вспомнить, что каждый олень даетъ всякаго добра, мяса, шкуръ, роговъ, на шесть рублей серебромъ, то богатство въ пять тысячъ оленей, или въ 30,000 рублей, очень велико для бѣднаго сѣвернаго кочевника. Что самоѣдскія богатства оскудѣли—самоѣды много виноваты самы: они небрегли животными, за которыми не нужно никакого ухода и которыя однако даютъ имъ все: пищу, одежду, жилище, средства къ перемѣнѣ мѣста. Олени подвергаются среди непогоды тундры всякимъ невзгодамъ: сырости, укушеніямъ комаровъ: отъ сырости шерсть оленей запруѣваетъ, копытцы вспухаютъ и трескаются; укушеніе же насѣкомыхъ производитъ раны, а раны и другія поврежденія тѣла, будучи незамѣчены, гноятся. И вотъ, повременамъ, быстро появляется среди оленей страшная для всякаго скота, да подчасъ и для человѣка, болѣзнь, сибирская язва. Животныядохнуть. Мухи съ падали переносятъ болѣзнь и на уцѣлѣвшую скотину, заболѣваетъ и та. Смертность полезныхъ животныхъ не только не слабѣетъ, но идетъ все далѣе и далѣе, пока, наконецъ, не прекратится сама собою. Сибирская язва особенно свирѣпствовала между оленями въ тридцатыхъ годахъ. Вотъ одна изъ причинъ оскудѣнія оленьихъ стадъ у самоѣдовъ. А вотъ и другая.

По рѣкѣ Печорѣ, какъ мы уже говорили, посе-

дились, въ сосѣдствѣ тундряныхъ самоѣдовъ, русскіе выселенцы и инородцы зыряне. Печорскіе зыряне—бойкій и смысленный народъ. Они замѣтили, что самоѣды, какъ всѣ народы, живущіе въ холодныхъ странахъ, падки на водку и табакъ. И стали они возить водку въ тундру. Сколотивши деньгу, покупали зыряне, а за ними и наши русскіе печорцы, бочку водки и направлялись къ сосѣднимъ самоѣдскимъ кочевьямъ. Съ лѣстивой рѣчью, почетнымъ поклономъ и добрыми пожеланіями всякаго благополучія входилъ хитрый зырянинъ въ подвижное жилище къ простяку и добряку самоѣду, и, конечно, выбиралъ самоѣда побогаче. Самъ тихій, ласковый, самоѣдъ тотчасъ располагался ласкою на ласку; сажалъ гостя поближе къ огню, спрашивалъ его согласія заколоть оленя, чтобы угостить гостя парной печонкой и еще дымящимся кровью сердцемъ животнаго. Зырянинъ благодарилъ и торопился самъ начать угощеніе: безъ дальнихъ разговоровъ вытаскивалъ изъ рукава полуштофъ водки, щедро разбавленной водой. Самоѣдъ такъ любилъ этотъ напитокъ, что каждый день пилъ бы его, хоть понемногу, да взять негдѣ. И самоѣдъ готовъ уже купить вытасченную зыряниномъ водку. Но зырянинъ желаетъ поподчивать даромъ и только потому уже потолковать о цѣнѣ. У самоѣда глаза искрятся: любитъ ему, что зырянинъ подчууетъ не только его самого, но и жену его, и подростку сыну подносить вино; и тѣ пьютъ охотно, по давней привычкѣ. Самоѣдъ видитъ, что зырянинъ самъ пьетъ меньше всѣхъ;

но не только не домекает тут злого умысла, а еще рад: ему же больше достанется. И самоѣдъ глазъ не спускаетъ съ рукава гостя: не выльзетъ ли еще оттуда кубокъ-полуштофъ водки, на пущую радость и веселье самоѣдское? Но кубка не видать; зырянинъ посмѣивается и выжидаетъ своей поры. Самоѣдъ начинаетъ просить еще водки. «Изволь! принесу еще кубокъ, да только этотъ будетъ денегъ стоить!» отвѣчаетъ зырянинъ.

И приносилось вино. У самоѣда хотя денегъ и не было, за то бывали всегда въ запасъ дорогая, добытая въ тундрѣ пушнина: хоть бы лисья шкура. Видно, что лисица околѣла съ сломанной ногой: значитъ выкрадена изъ норы щенкомъ и, чтобы не убѣжала, росталась у самоѣда на дому съ сломанной ногой. Вся эта лиса въ остъ ушла. Шкура пушистая такая. Понятно, зырянинъ ею не погашивается: тѣ же деньги, да еще деньги большія. Стоитъ-то лисья шкура много, а шма, бывало, она къ зырянину на безсовѣстномъ торгу за какойнибудь полуштофъ. И самоѣдъ не упрямился. Онъ разсуждалъ такъ: «не сегодня - завтра другой звѣрь набѣжитъ, много его таскается въ тундрѣ, а вино можетъ ухаты и въ другія самоѣдскія становища; тогда его недогонишь, пожалуй». И распивался еще кубокъ. Уже самоѣдъ начиналъ самъ подчивать и зырянина, и свою жену, и сына. Мало-по-малу самоѣдъ окончательно разгуливался: поилъ даже маленькихъ своихъ дѣтей и бранилъ зырянина, что тотъ мало пьетъ; требовалъ еще водки. Зырянинъ

объявлялъ, что—вся. Самоѣдъ говорилъ, что не вѣрять, и не стоялъ за пушнинаю, — была бы водка. Пользуясь случаемъ, зырянинъ выговаривалъ у самоѣда драгоценную чернобурую лисицу, шкурки другихъ пушныхъ звѣрей, рыскающихъ по зимамъ въ тундрѣ, пару живыхъ оленей, а если не бралъ стыдъ, то и шкуру медвѣдя, да кстати ужъ и сани. Такъ-то складывалъ онъ бережно на неправое нажитыя сани неправое нажитое добро, причемъ ему помогали тѣ же жалкіе и бѣдные простяки самоѣды. И уѣзжалъ зырянинъ дальше къ другимъ самоѣдскимъ жильямъ. И тамъ повторялась та же исторія. Просыпался самоѣдъ поутру и жалѣлъ, несчастный, только о томъ, что не купилъ про запасъ, да на похмѣлье еще кубокъ вина.. Мало-по-малу, изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, кончилось тѣмъ, что зыряне, а отчасти и русскіе печорцы перекупили у пьяныхъ печорскихъ самоѣдовъ за безцѣнокъ всѣхъ оленей.. Самоѣды очутились нищими, голяками, и рады-рады, когда ихъ брали, изъ-за куска хлѣба насущнаго, стережъ ихъ же преждее добро, проданное ими за безцѣнокъ, въ часы загула... Служать теперь самоѣды батраками у зырянъ; получаютъ вѣсто крохотнаго жалованья самые необходимые припасы и, забирая ихъ впередъ, входятъ постоянно въ неоплатный долгъ у зырянъ (тѣ таки-умѣютъ насчитывать лишнее); и попадаютъ такъ горемыки въ вѣчную неоплатную кабалу. Зырянамъ строго-на-строго запрещено правительствомъ ѣздить въ тундру съ водкой, да они въ послѣднее время и сами стали отста-

вать отъ такого гнуснаго дѣла; но старая бѣда сдѣлана; прежняго не воротить...

Зато же теперь нерѣдко въ городкахъ Архангельской губерніи встрѣчаются семьи самоѣдовъ, обнищавшихъ до бродяжничества и совсѣмъ предавшихся пьянству... Одинъ русскій путешественникъ, бывшій на свадебномъ пиру самоѣдовъ, такъ изображаетъ картину ихъ разгульнаго веселья: когда онъ пришелъ въ свадебную палатку, нѣсколько гостей уже безъ чувствъ лежали на землѣ, безъ шалокъ, головой прямо въ снѣжный сугробъ, а вѣтеръ покрылъ ихъ лица снѣгомъ. Другіе, мѣнѣе пьяные, безчинствовали; женихъ былъ изъ самыхъ нетрезвыхъ. Пили чай. Послѣ чаю, хозяинъ приказалъ убить оленя. Животное свалилось отъ легкаго удара топоромъ по лбу; его прикололи ножомъ въ сердце и вынули горло. Стали драться изъ-за этой части только что убитой оленины. Присудили потому отдать этотъ первый кусокъ родственникамъ новобрачныхъ. Между тѣмъ съ оленя сняли шкуру, тушу положили на спину, вскрыли животъ и выбросили вонъ негодное для ѣды. Поставленный такъ убитый олень походилъ на большую длинную чашу, въ которой плавали въ крови лакомые кусочки: легкія, печень и другія части внутренностей. Вокругъ звѣря собрались свадебные гости; вынули длинные ножи, отрѣзали по ломтю теплаго сырого мяса и, обмакивая въ кровь, подносили его ко рту; прикусывали и ловко отрѣзывали ножомъ у самаго рта; снова прикусывали и снова отрѣзывали. Кровь

текла по бородамъ и шеямъ. Легкое и печень съѣдены, какъ закуска. Вдругъ поднялась схватка. Какой-то самоѣдъ показался въ дверяхъ и просился насвадьбу. Нѣкоторые изъ гостей пустили его. Хозяинъ увидалъ и велѣлъ выгнать. Всѣ, кто былъ тутъ, раздѣлись на-двое: одни за хозяина, другіе за выгоняемаго. Началось великое смятеніе; Самоѣды безсмысленно колотили другъ друга; котель, горшки, все опрокинуто и разлетѣлось. Къ вечеру охота драться еще болѣе усилилась: куда ни помотришь, вездѣ дерутся люди. Хватали другъ друга за шетинистые черные волосы, бились кулаками, дрались костями и другими остатками пира. И все это безо всякой причины: стѣило двумъ встрѣтиться, и ужъ таскали они другъ друга за волосы, не обращая вниманія на возрастъ и полъ. Пощады не просили и не давали; каждый билъ и защищался изо всѣхъ силъ; побѣжденный оставался на снѣгу, а побѣдитель отправлялся далѣе начинать новые подвиги.

Такъ безобразить страсть къ спиртнымъ напиткамъ добрый и тихій самоѣдскій народъ. Когда самоѣдъ трезвъ, онъ отличается добродушіемъ, задумчивостью и, пожалуй, грустью. Хотя онъ до крайности не развитъ, однако гостеприименъ и всегда раздѣлитъ съ друзьями послѣдній кусокъ. Доброта, самоѣда сказывается, между прочимъ, и въ томъ, что, если только есть у него возможность, онъ не откажется взять къ себѣ бѣдныхъ своихъ родныхъ и кормить ихъ. Самоѣдъ помнитъ также оказанное ему благодареніе. Одному ученому русскому путе-

шественнику пришлось забраться въ самыя сѣверныя части Сибири: спутники ученаго переболѣли корью; онъ ихъ лечилъ и вылечилъ между ними одного самоѣдскаго старшину. Послѣ того онъ забрался, съ тремя сотоварищами, еще дальше на сѣверъ и тамъ самъ заболѣлъ; товарищи поневолѣ бросили его среди снѣговъ и пошли искать помощи. Онъ пробылъ въ ужасномъ уединеніи семнадцать дней, готовился уже встрѣтить и конецъ свой, какъ вдругъ пришелъ, съ тремя санями, искать его и спасти тотъ самоѣдскій старшина, котораго онъ вылечилъ отъ кори.

Самоѣды Архангельской губерніи только съ недавнихъ поръ христіане. Дикари эти плохо еще понимаютъ Христово ученіе и крестятся часто только по привычкѣ, а въ душѣ держатся еще старой своей языческой вѣры. По этой вѣрѣ, хоть и признается одинъ Богъ, благой и высочайшій, однако, грубые и дикіе самоѣды не сумѣли отдать единому благому Богу всюю душою. Они вспоминаютъ о Немъ, развѣ когда покажется на небѣ радуга, полъ божьей одежды, по ихъ убѣжденію. А то говорятъ они, живетъ Богъ такъ высоко на небѣ, что до него не можетъ достигнуть молитва людей; поэтому самоѣды въ дѣлѣ вѣры ограничиваются самими грубыми понятіями. На островѣ Ледовитаго океана Вайгачѣ есть камень; похожій по своему виду на человѣка. Самоѣды увѣряютъ, что никто не знаетъ—откуда взялся этотъ камень, но что прежде его тамъ не было. Этотъ-то камень они считаютъ своимъ

идоломъ и на Вайгачѣ наставили и другихъ каменныхъ истукановъ. Надѣлали они для себя и множество маленькихъ истукановъ изъ камня и дерева. Довольно всякому камню нитѣ просто какую нибудь причудливую наружность, и онъ можетъ попасть въ честь у самоѣдовъ. Такого божка кугаютъ въ тряпки и таскаютъ съ собою; ему намазываютъ ротъ оленьей кровью, либо рыбьимъ жиромъ; ставятъ передъ нимъ блюдо съ мясомъ и рыбой. Это значитъ—умиловываютъ его. И молятся самоѣды, усердно молятся своимъ камнямъ-истуканамъ.

Но, кромѣ истукановъ, у самоѣдовъ въ почетѣ еще таинственные духи. У этихъ такой нравъ, что если ихъ не умиловывать, то они дѣлаются и врагами человѣка. И если случится съ самоѣдомъ несчастье: заболѣтъ ли онъ, заплутается ли у него олень, или случится покража, ему непременно надобно обратиться за помощію къ одному изъ духовъ. Но не всякому человѣку дано переговаривать съ духами. Это могутъ дѣлать лишь одни особливо устроенные люди, шаманы, напуская для того на себя какое-то особое бышенство. И вѣра въ шамановъ, заклинателей и вызывателей духовъ въ сильномъ ходу у всѣхъ сѣверныхъ языческихъ народовъ, на всемъ сѣверѣ и Россіи, и Сибири, и Сѣверной Америки... Когда потребуютъ услуги у шамана, онъ первымъ дѣломъ завертывается въ свой волшебный плащъ, замшевую рубашку, отороченную краснымъ сукномъ; на плечахъ—ярко-красные наплечники. На лицо навѣшивается также сукно: это

означаетъ, что хоть шаманъ и не увидитъ духовъ глазами, а они все-таки явятся ему. Сибирскіе шаманы увѣшиваются всякими желѣзными погремушками; брещатъ эти погремушки, звенятъ на нихъ и устрашаютъ народъ. У шамана бубенъ. И вотъ шаманъ и его помощникъ начинаютъ заклинаніе и разговоръ съ духами. Все сильнѣе и сильнѣе бьетъ шаманъ въ свой бубенъ и поетъ дикимъ голосомъ всякія клятвы, а его товарищъ вторитъ ему. Пѣніе дѣлается тише, стукъ въ бубенъ слабѣе и слабѣе—значитъ прилетѣли духи, говорятъ, а шаманъ слушаетъ ихъ. Послѣ нѣмого разговора съ духами, пѣніе снова усиливается и дѣлается просто дикимъ звѣринымъ ревомъ. Барабанъ только что не лопається отъ страшныхъ ударовъ. У шамана горять глаза, какъ у помѣшаннаго, пѣна показывается изо рта... Страшный шумъ вдругъ смолкаетъ, и раздаются пророчества. Такъ обманываютъ шаманы весь сѣверный, еще непросвѣщенный Христовой вѣрой, инородческій людъ Россіи и Сѣверной Америки. Обманываютъ шаманы, пожалуй, и сами себя, умѣя доводить себя до бѣшенства, а бѣшеному человѣку покажется и не вѣсть что... И много умѣютъ пріобрѣсти вѣры себѣ шаманы тѣмъ, что знаютъ дѣлать диковинныя штуки. Зачастую они показываютъ вотъ что: шаманъ садится на оленьей шкурѣ посреди пола. По его приказу, ему вяжутъ руки и ноги. Окна закрываютъ. Шаманъ принимается за вызовъ духовъ. Въ комнатѣ дѣлаются разные ужасы: по кожѣ оленя что-то барабанитъ, реветъ тутъ же

медвѣди, которыхъ, конечно, нѣтъ въ комнатѣ, шпнать змѣи; вокругъ комнаты бѣгають бѣлки. Кончается заклинаніе, шаманъ выходитъ изъ комнаты уже развязанный; всѣ увѣрены, что его освободили духи. Такими штуками шаманы просто затуманиваютъ головы сѣверныхъ дикарей.

Дикость бродячаго самоѣдскаго племени сказывается еще въ томъ, какъ смотрятъ самоѣды на женщинъ. Всякій образованный человѣкъ бережетъ женщину больше самого себя и помнитъ, что слѣдуетъ ее щадить, какъ созданье слабое и гораздо болѣе чувствительное, чѣмъ мужчина... Самоѣды же, напротивъ того, именно пользуются беззащитностью женщины: благо она не можетъ себя защитить, слаба—онъ и заставляетъ ее работать на себя. И она вполне считается рабою. Начать съ того, что самоѣдъ покупаетъ себѣ невѣсту у ея родственниковъ за нѣсколько мѣховъ или оленей. И сдѣлалась купленная женщина женою самоѣда. На охотѣ ли онъ или дома—все равно: вся домашняя работа всегда лежитъ на женѣ: она и одежду шьетъ, и кушанье варитъ, и справляетъ всякія другія дѣла. Одинъ самоѣдъ убилъ свою жену. Несчастнаго привели въ судъ. Ему пришлось давать отвѣтъ въ своемъ страшномъ преступленіи. Какъ думаете, что отвѣчалъ онъ? «Я, сказалъ онъ:—какъ честный человѣкъ заплатилъ за нее, и могу, кажется, располагать своею собственностью»...

Смотря на женщину какъ на рабу, самоѣдъ считаетъ ее и нечистою. Войдетъ ли она въ священное,

по понятію самоѣдскому, мѣсто жилья, находящееся прямо противъ входа,—она опоганила это святое мѣсто своимъ присутствіемъ. Дотронется ли она до какой вещи, веревки, топора, оленьей шкуры—и эти вещи тоже опоганены. И всякіе такіе предметы только и можно очистить, что окуривъ ихъ.

Таковы-то самоѣды, жалкіе обитатели угрюмой тундры!

Но не одни самоѣды да олени населяютъ тундру. Тамъ, видѣли мы, рыщеть и всякій пушной звѣрь. И идутъ въ тундру на прибыльную охоту за этимъ звѣремъ и самъ самоѣдъ, и русакъ-печорецъ, и зырянинъ. Когда затянетъ тундру зимними льдами, и играетъ на темномъ зимнемъ сѣверномъ небѣ огненный сполохъ, да расхаживаетъ свѣтлая луна, особенно въ началѣ зимы, — начинается переселеніе въ тундру всякаго лѣснаго звѣря, а также и охота на него. Охотникъ дорожитъ этимъ зимнимъ временемъ: для него дѣлается доступною отвердѣвшая тундра. Огромными вереницами бѣгутъ, подъ предводительствомъ своего начальника «королька», горностаи—эти крысы, выродившіяся въ поразительно бѣлаго, уродливо-длиннаго звѣрька съ чернымъ, мягко пушистымъ хвостикомъ. Различными безконечно изгибающимися дорожками намѣчаютъ они слѣды своими круглыми лапками, съ заостренными крошечными пятью ноготками. Вѣдутъ они, серебрясь на солнышкѣ шкурками, прямо на сѣверъ, гдѣ думаютъ найти себѣ любимую пищу, мясную и рыбную, между остатковъ отъ ѣды блудливаго волка, жадной

лисицы и зловѣщаго ворона. Но скудна найденная пища. Трудно найти ее, бѣгая однимъ большимъ стадомъ. И вотъ горностаичики разсыпаются на отдѣльныя стаи и все-таки бѣгутъ, каждая подъ предводительствомъ одного вожака, звѣрька опытнаго и самаго умнаго изъ всѣхъ. Удастся имъ счастливо кончить свои бѣги, и они съ первыми признаками весны возвратятся на старыя мѣста; а измѣнить корольку его смыслъ, стайка его сдѣлается добычею звѣриныхъ пастей. Всегда голодные въ тундрѣ, горностаи охотно схватываютъ кусочекъ рыбки или мяса, положенный на насторожку, надъ которою виситъ дощечка — кулемка, съ гнетомъ: ступилъ звѣрокъ на насторожку, кулемка опустилась, придавила головку звѣрька, и вотъ онъ—добыча охотника, поставившаго кулемку. Тогда ватажка горнастаевъ остается безъ своего погибшаго предводителя: безъ толку и ладу, кучей, побѣжали всѣ горностаи, а тамъ разсыпались въ одиночку. И гибнутъ они или въ тѣхъ же кулемкахъ, или же падаютъ въ пасть кровожадной лисицы.

Въ одно время съ горностаями является въ тундрѣ и рѣдкая гостья, куница. Вырывая себѣ нору, звѣрекъ лежитъ тамъ, уркаетъ, какъ говорятъ, и какъ будто выжидаетъ чуткой собаки, которая указала бы хозяину на это мѣсто. Приходитъ звѣропромышленникъ, сгребаетъ снѣгъ съ указанного собакой мѣста, прислушивается къ урканью и затѣмъ начинаетъ стучать, кричать, выпугивать звѣря изъ норы. Куница выскакиваетъ и попадаетъ въ сѣть, разставленную кругомъ норы.

Песець или, какъ называетъ его сѣверный людъ, псець, какъ бы выродившаяся собака, съ сиповатымъ, густымъ голосомъ, похожъ на лисицу: съ тымъ же пушистымъ хвостомъ, но съ болѣе тупымъ рыломъ и съ ушами поменьше и покругловатѣе, чѣмъ у послѣдней. Вырывая себѣ норы съ множествомъ выходовъ, песцы, называемые вешняками, въ апрѣлѣ уходятъ туда выводить дѣтенышей и теряютъ въ это время всю свою бѣлую шерсть. Щенки ихъ, называемые тогда норилками, къ июню подрастаютъ. А отецъ и мать все еще безобразно-голые. Къ августу всѣ, и взрослые, и молодые, дѣлаются крестоватиками, съ сѣрой спиной, пересѣченной крестообразно сѣрыми же полосами, идущими по ребрамъ. Въ октябрѣ звѣри эти принимаютъ одноцвѣтно-сѣрый видъ и называются голубцами-чалками, а около Николина дня, въ декабрѣ мѣсяцѣ, являются настоящими песцами, росло-песцами, съ бѣлою шерстью. Сверкая ею на солнышкѣ и рѣзко отливая ее отъ окрестнаго снѣга, бойко бѣжитъ песецъ за добычей одинъ, рѣдко вдвоемъ; пушистый хвостъ его замечаетъ слѣдъ; на всемъ пути не попалось ему ни одной кулемки, ни одной западни; видно, удастся ему добѣжать до озера и вытащить оттуда рыбу на лапкѣ. Поднявши голову, песецъ продолжаетъ бѣжать все впередъ да впередъ; повертывая повременамъ головой и обнюхивая окрестный воздухъ, звѣрокъ настораживаетъ круглыя свои уши, дрожить весь и вдругъ припадаетъ къ снѣгу. Видно, донесъ воздухъ до чуткаго его носа враждеб-

ный запахъ человѣка; наконецъ, и зоркіе глаза его не обманываютъ: изъ лѣсу показался охотникъ верхомъ на лошади съ ружьемъ. Звѣрокъ не вѣрится близости несчастья, не возвращается назадъ, а, приподнявшись, продолжаетъ бѣжать прежнимъ путемъ все впередъ да впередъ, попрежнему сверкая на солнышкѣ своею серебристою шкуркой. Человѣкъ между тѣмъ, зная обычаи звѣрка, старается его облукавить; всякій разъ, когда бѣгущій звѣрокъ оглянется, онъ поворачиваетъ лошадь въ сторону и какъ будто ѣдетъ мимо. Звѣрокъ простоудно вѣрится человѣку, начинаетъ бѣжать замѣтно тише, какъ бы для отдыха, и, наконецъ, совсѣмъ припадаетъ на снѣгъ и не встаетъ во все время, пока врагъ его дѣлаетъ на лошади круги все меньше и меньше, все ближе и ближе, на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Песецъ продолжаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, зорко выслѣживая за кругами лошади, не сводя своихъ черненькихъ глазъ съ рокового мѣста, и, наконецъ, окончательно прикурнетъ головой въ снѣгъ и закроетъ мордочку своими лапками, когда запримѣтитъ ружейное дуло: значить — окончательно потерялся. Пуля пускается вѣрно, прямо въ голову и подкидываетъ звѣрка въ предсмертныхъ судорогахъ на мѣстѣ, а потомъ перебрасываетъ съ одной стороны на другую. Неподвижно распускается тогда его пушистый хвостъ по снѣгу, обагреному теплой, красной кровью. Охотники добываютъ песцовъ и иными путями: или приставляютъ къ ихъ норкамъ капканы — желѣзные западни, въ которыхъ звѣрь

ломаешь себя лапу, но уже не вытаскиваешь ее назад, или ставят черканы: так называется доска с дырой; звѣрь вылезая из норы, попадает в эту дыру головой и в то же время наступает ногой на натянутую тетиву; тетива спускается, а с него в дыру проскакивает лопатка, заземляющая звѣря голову. Наконец употребляются тѣ же кулемки.

Зайцевъ много в тундрѣ. Ихъ ловятъ обыкновенно в петлю изъ бѣлыхъ тонкихъ нитокъ. Петлю наставляютъ на пути зайцу. Днемъ звѣрь не пойдетъ по тропѣ; за то ночью непременно влѣзетъ и удавится.

Тѣми же снарядами, какъ и песцовъ, ловятъ и лисицъ. Лисица выкапываетъ себѣ норы, устанавливаетъ в нихъ своихъ слѣпыхъ дѣтенышей и, оходя за пищей, забрасываетъ ихъ. Позднею весною, часто при помощи собакъ, отыскиваютъ ихъ промысленики. Нору разламываютъ шестами, или, затыкая отверстие, выкуриваютъ дымомъ самокъ-матерей, а крючками вытаскиваютъ потомъ щенятъ и лисихъ, и песцовыхъ. Щенятамъ надламываютъ одну ногу, и такъ растятъ въ избѣ, сначала на молокѣ, потомъ на оленьемъ мясѣ. Нерѣдко онѣ оклѣваютъ отъ чаду и духоты; нерѣдко, чтобы освободиться изъ плѣна, перегрызаютъ другъ другу горло; а то, улучшивъ минуту, убѣгаютъ въ лѣсъ съ сломанной ногой. Но большею частью доживаютъ они до той поры, когда приходится пускать ихъ въ дѣло. Тогда строго наблюдавшій за ними хозяинъ обыкновенно наступаетъ ногой на сердце каждой лисицы по очереди и, задушивъ ихъ такимъ образомъ, по-

лучаетъ непопорченную, мягкую пушнину, которую легко сбыть за хорошую цѣну, на Пинежской ярмаркѣ Архангельской же губерніи, галичскимъ купцамъ. Любя въ полдень лежать въ норѣ, лисица — охотница бѣгать по снѣгу в лунную ночь и тогда обыкновенно выслѣживается охотникомъ, на лыжахъ (Лыжи — какъ бы малыя сани, надѣваемые по одной на каждую ногу: на нихъ человекъ катится даже по рыхлому снѣгу весьма быстро). Мягко еще оставленный звѣремъ слѣдъ — звѣрь недалеко; пробираясь отъ лѣсины къ лѣсинѣ, лисица не любитъ бѣгать скоро, особенно, если вѣтеръ не доноситъ до нея человѣчьяго духа: она тогда подпускаетъ къ себѣ охотника на ружейный выстрѣлъ. А то охотники приманиваютъ къ себѣ лисицъ, подражая мышиному писку. Не избѣгающая ружейнаго выстрѣла, изрѣдка попадающаяся въ капканъ, лисица трудно дается и на отраву, и на ставки. Ставка — огромное поле, в которое врѣзываются два ружейные ствола, съ однимъ кремневымъ куркомъ. Стволы заряжаются пулями, и весь снарядъ, защищенный отъ сырости тряпичами, бережно закрывается въ снѣгъ. Курокъ приподнять и едва-едва держится на пружинкѣ, къ которой привязана веревочка. Если дернуть веревочку — курокъ опустится, и ружье выстрѣлитъ. И вотъ веревочку проводятъ въ сторону, противъ дула, такъ сажень на пять; и привязываютъ къ веревочкѣ наживку, кусочекъ сала или мяса на оленьей косточкѣ: звѣрь тронулъ наживку, курокъ опустился, и пуля вонзилась въ звѣря.

На этот снаряд, хитро придуманный русским мужикомъ, попадаетъ и волкъ, и медвѣдь (только для послѣднихъ двухъ наставляются оба дула). Но лиса, какъ ужъ сказано, рѣдко дается на ставку: она либо такъ осторожно объѣстъ наживку, что до главнаго куска и не притронется, либо выроетъ яму подъ наживкой, да и ляжетъ въ нее и только тогда уже дернетъ наживку: ружье выстрѣлитъ поверхъ, въ пустоту и не ранитъ хитраго звѣря. Но, однако, и тутъ человѣкъ перехитряетъ звѣря. Подъ снарядъ кладутъ сѣтъ, въ которую лиса запутывается и достается живьемъ, съ цѣлой, непопорченной шкурой. Чтобы лису не наслѣдили, она ухитряется бѣгать по заячьимъ тропамъ и слѣдъ свой путаетъ съ заячьимъ слѣдомъ. Поэтому человѣкъ все-таки ставитъ и на заячьихъ путяхъ лисьи сѣти: и какъ же сердится онъ, когда въ сѣтъ попадетъ не лиса, а заяцъ!

Идетъ на ставку и безтолковая росомаха; но ее, какъ и бѣлокъ, стрѣляютъ больше изъ пищалей и дробовокъ.

Волкъ — изъ вѣковъ хищный, вѣчно голодный, вѣчно бродящій попарно или въ стаяхъ, всегда хитрый, и тоже себѣ на умѣ, съ раздрающимъ душу воемъ своимъ, — и здѣсь, въ тундрѣ, — всегдашній непріятель смирныхъ и беззащитныхъ... онъ является врагомъ и ненавистнымъ страшилищемъ для оленей. Стаи волковъ уничтожаютъ иногда чуть не половину какого нибудь оленьяго стада, истребляя за одну ночь все достояніе какого нибудь бѣдняка самоѣда. Носясь въ тундрѣ широкоими прыжками (большую часть въ

малыхъ стаяхъ), волки нападаютъ на оленя сзади, прогрызаютъ ему горло и потомъ съѣдаютъ всего, оставляя однѣ кости. Если волкъ не найдетъ оленей по пути или напугаютъ его выстрѣлы сторожей, онъ, оголодавъ, охотно беретъ и отраву. Отрава или, по тамошнему, привада, состоящая изъ сулемы или растертаго въ порошокъ растенія цилибухи, смѣшивается съ рубленнымъ оленьимъ мясомъ или съ кусками ворваннаго сала, чтобъ отшибить запахъ ядовитаго растенія. Вся привада колобками, числомъ до срока штукъ, складывается въ оленью брюшину, которая завязывается оленьими жилами и замораживается; затѣмъ привада зарывается въ снѣгъ гдѣ-нибудь у кустарника, къ которому ее привязываютъ веревкой. За отраву хватаются больше молодые волки и околѣваютъ потомъ не дальше ста саженъ отъ мѣста; но старые волки не только не ѣдятъ отравы, а еще и оберегаютъ молодыхъ, почасту ложась на нее. Хитрая же лиса объѣдаетъ отраву только сверху и тогда же отбѣгаетъ, помахивая головой и фыркая. Зато старые волки дѣлаются добычей другой ядовитой приправки, которую дѣлаютъ такъ: кусокъ сулемы обертываютъ въ воскъ; воскъ скатывается бочонкомъ; въверху обмазывается кровью, либо жиромъ, или саломъ. Иногда охотники истребляютъ волковъ и такимъ способомъ: выберутъ время, когда вътеръ дуетъ изъ лѣсу, и бросаютъ падалъ около своихъ избенокъ карауловъ и съ заряженными ружьями ждутъ появленія звѣря. Сначала являются лисы: эти ѣдятъ первыми, ѣдятъ и дерутся, пере-

хватывая другъ у друга куски изъ лапъ и даже прямо изъ зубовъ. Потомъ приходятъ волки. Эти ѣдятъ жадно, но ѣдятъ дружелюбнѣ лисицъ. Иногда на такую приманку приходитъ столько звѣрей, что количество убитыхъ въ одинъ вечеръ награждаетъ охотниковъ за половину зимяго промысла, требующаго и терпѣнія, и ловкости, и предусмотрительности. Волкъ тоже любитъ жить въ своей норѣ, тоже какъ песцы, лисицы и куницы, строго блюдетъ свое жилье и ни за чтó не заявитъ его врагу-человѣку. Если оленье стадо случайно подойдетъ къ волчьей берлогѣ, волкъ не станетъ расправляться подлѣ нея, а спокойно уйдетъ въ сторону, пожалуй, къ другому стаду, и ужъ въ этомъ послѣднемъ начнетъ промыслять себѣ животинки.

Въ нѣкоторые годы всѣ звѣри, горностаи, песцы, лисицы и даже волки, текутъ за пестрою и бѣлою мышью-пеструшкой, какъ за вѣрною добычею, и тундра на время пустѣетъ. Переселеніе пеструшки обыкновенно случается разъ въ четыре года. Вѣжить пеструшка цѣлыми огромными рядами по четыре звѣрка въ рядѣ. И всякое хищное звѣрье и хищная птица опустошаютъ эти ряды. Но черезъ три-четыре мѣсяца тундра снова наполняется не только старыми, но и новыми звѣрями. И тогда вѣрный и богатый барышъ охотнику!

Вотъ какъ полезна человѣку эта тундра, эта, по-видимому, мертвая и негодная, топкая и хмурая пустыня.

II. Русскіе на сѣверѣ Европейской Россіи.

Пустозерскъ.—Архангельскъ.—Соловецкій монастырь.

Великія тундры востока Архангельской губерніи ереръзываются многоводной сѣверо-океанскою рѣкою Печорой. Поплывемъ по Печорѣ — съ юга на сѣверъ. Намъ придется въ долгомъ нашемъ плаваніи виновать сначала лѣвый притокъ Печоры, Ижму. На Ижмѣ — богатое зырянское поселеніе ижемцевъ. Не будемъ останавливаться здѣсь: наши читатели уже знакомы съ зырянами. Далѣе, на сѣверѣ, мируемъ лѣвый же притокъ Печоры — Цыльму. При Цыльмѣ — раскольничье цылемское поселеніе. Но и о цылемцахъ не будемъ говорить. Богъ съ ними! Это лѣнивое, бѣдное, совсѣмъ сбившееся съ толку населеніе. Скажемъ только, что къ нимъ какъ нельзя болѣе идетъ пословица: «босоты да наготы взувѣшаны шесты».

Двинемся опять далѣе на сѣверъ, не останавливаясь вилоть до отдаленнаго городка Пустозерска. Русское населеніе Пустозерска богатое и здоровое;

самъ же Пустозерскъ слыветъ подь названіемъ «городка», какъ Архангельскъ слыветъ подь названіемъ «города». Стало быть Пустозерскъ считаютъ какъ бы младшимъ братомъ послѣдняго.

Лежить «городокъ» на широкомъ, открытомъ мѣстѣ. Если и поросъ подлѣ него лѣсокъ, то лѣсокъ этотъ сланка: стелется по землѣ убогой, въ полтора аршина ивянкъ да можжевелиникъ. Уютно сбившіеся въ кучу, съ вытянувшейся колокольной, домики Пустозерска какъ будто нарочно остались на виду, на потѣху вѣтровъ и вьюгъ, набѣгающихъ сюда съ океана и съ неоглядныхъ снѣжныхъ полей. И холодно же бываетъ въ этомъ далеко забредшемъ на сѣверъ русскомъ городкѣ. Завернетъ иногда въ зиму морозъ, зайдетъ онъ далеко за тридцать градусовъ. Весь воздухъ какъ будто распалится имъ, застынетъ леденящимъ слоемъ. Дышется трудно; такъ и жажется — кровь брызнетъ изъ носу и изъ глазъ. Выйдешь на воздухъ: всѣ части тѣла, незакрытыя теплымъ мѣхомъ, тотчасъ озябнутъ и озябнутъ до ѣдко-щиплющей боли: кожа какъ будто распухнетъ и готова разорваться. Зато и ни одной души не видно на улицѣ. Привычные люди къ холоду — пустозеры, и тѣ забираются въ дому. А морозъ такъ и гуляетъ по улицамъ и дворамъ. И со дворовъ слышатся точно настоящіе ружейные выстрѣлы, урывистые и громкіе, хоть и не частые. Трещать углы въ комнатахъ, а подчасъ и въ оконницѣ лопнетъ стекло. И прибѣжить вѣтеръ съ океана, начнетъ дурить, сметать снѣгъ охапками

да подгонять его все дальше да дальше, да поддуть все крѣпче да крѣпче. И навалитъ вѣтеръ снѣгу до самыхъ балконцевъ, окружающихъ дома, и оконницы начнетъ расплывать, и стекла бы всѣ, пожалуй, поломалъ. Да пустозерцы-то — не простаки: балконы построили они для защиты своихъ домовъ, а отъ снѣга запрутса кругомъ ставнями, и огонь разведутъ и посмѣиваются: «Гуляй де, знай, по улицѣ, а насъ де не трогай; мы, молъ, тебя, баловника, давно знаемъ; ты хоть три дня тутъ себѣ благуи, а мы посидимъ, побесѣдуемъ промежъ себя, переждемъ тебя; изволь, молъ, потѣшаться до-сыта! Моя, молъ, изба съ краю, ничего не знаю»...

Зачѣмъ же занесло русскихъ поселенцевъ въ этотъ далекий, холодный и бурный сѣверъ? А затѣмъ, что все окрестъ лежащее: и океанъ, и Печора рѣка, и окрестная тундра богаты всякими дарами на потребу человѣка. Пойдешь на охотничій промыселъ или, какъ говорится здѣсь, на лѣсную, — лови песцовъ, горностаевъ, лисицъ, зайцевъ, выдру, бобра, хотя боберъ и рѣдкій гость изъ-за Урала. Сомутился ты на Печору, — Печора на этотъ конецъ рѣка толковая: въ ней много вкусной большой рыбы. Семги и сига въ не оберешься; а по озерамъ тоже рыбы, — омули, пеляди, отмѣнная рыба чирь. А выберешься Печорой въ самый океанъ, — на немъ лежитъ огромнѣйшая земля, состоящая изъ двухъ острововъ, называемая Новой Землей; и Новую Землю эту не даромъ русской сѣверной людъ прозвалъ Маткой, то-есть Кормилицей: на ней раскладываютъ свои

залезки морскіе звѣри, моржи. Цѣлыми стадами выстаётъ на новоземельскіе льды этотъ огромный морской звѣрь. Его бьютъ ради его сала: другой моржъ даетъ сала до 15 и даже 20 пудовъ. Выстаётъ на Маткѣ и бѣлый медвѣдь (ошкуй). Это огромное животное ледяныхъ морей отличается отъ своего бурого собрата тѣмъ, что живетъ въ водѣ, питается рыбой, а бьютъ его для шкуры. Выстаётъ на Маткѣ еще и заяцъ морской — тюлень, тоже добываемый для сала. А пойдешь на Маткѣ за такъ называемымъ горнымъ или береговымъ промысломъ, то много дикаго оленя прыгаетъ, гуси да гадары, да утки ливаютъ прилетаютъ: всякой птицы этой и счесть нельзя: палками колотятъ. Итакъ, прибыльной работы на Маткѣ довольно: собирай птичій пухъ, а самую птицу соли, съ разбойнаго же звѣря-моржа, тюленя или теплокровнаго звѣря — двухсаженной рыбищи бѣлуги — сало топн...

Вотъ всё-то эти богатства и помогли пустозерцу презрѣдно устроиться. Нужды нѣтъ, что живетъ онъ въ холодномъ и ненастномъ краю, а войдите-ка въ его теплую избу. Васъ введутъ въ чистенькую комнату, и столъ покроютъ скатертью. Оглянитесь: увидите образа въ стеклянной рамѣ, и между ними многія въ серебряныхъ ризахъ. Чай ли станутъ распивать, — подадутъ вычищенный самоваръ, чашки съ блюдами безъ отшибенныхъ краевъ; а самъ хозяинъ въ синей изрядной сибиркѣ, какъ купецъ какой, а у жены его кофта и шапка обшиты мѣхами. У пустозерцевъ и довольство, и опрятная чистота.

Когда лѣтъ съ восемьсотъ тому назадъ русскій людъ двигался на сѣверъ нынѣшней Россіи изъ древней земли новгородской и изъ приволжья, когда шелъ онъ завоевывать и облагать данью сѣверныя инородныя финскія племена, двигался онъ, вѣроятно, по большимъ рѣкамъ, текущимъ прямо на сѣверъ, въ восточные берега Бѣлаго моря, по Онегѣ, Сѣверной Двинѣ и Мезени: благо залегли эти рѣки прямымъ путемъ къ океану. Да и какой другой путь могъ бы вести въ тамошнія страны — то топкія, то лѣсистыя? Водой же двигаться и легко, и сподручно. Русскихъ манилъ на сѣверъ дорогой пушной звѣрь и всякіе богатые саломъ морскіе звѣри, а также рыба. Мало-по-малу, отнявъ у иноплемennыхъ финновъ приокеанскую страну, русскіе завели свои поселенія всюду по берегамъ Бѣлаго моря, а также и по Печорѣ.

Въ 1555 году бурей загнало въ Двинскую губу англійскій корабль; тогда край Вѣломорскій зажилъ и не одною туземною промышленностью, а открылась въ немъ также торговля съ Англією, а тамъ и съ другими иноземными европейскими государствами. Торгъ съ иностранцами сначала завелся было у города Холмогоръ, по Двинѣ, а потомъ, для большаго удобства, передвинулся ближе къ морю, къ самымъ Двинскимъ устьямъ, къ стоявшему тамъ Архангельскому монастырю. Увеличивалась торговля — росли окрестъ монастыря и всякія торговыя зданія: сараи, амбары. Торговля родила цѣлый городъ: въ 1584 году у монастыря Архангельскаго

основали городъ Новые Холмогоры, впоследствии Архангельскъ, нынѣшній губернской городъ. Особенно сильна была архангельская торговля до основанія Петромъ Великимъ Петербурга. Хотя послѣ этого торговля черезъ Архангельскъ и упала, и пошла она южнѣе, по Балтійскому морю, однако, все же Архангельскъ до сихъ поръ одно изъ тѣхъ русскихъ мѣстъ, черезъ которое наши товары отпускаются по морю за границу и ввозятся къ намъ иностранные. Россія черезъ Архангельскій портъ отпускаетъ за море: хлѣбъ, ленъ, льняную паклю, льняное сѣмя, смолу, лѣсъ, сало морскихъ звѣрей и рыбій жиръ; а изъ заграницы везутъ сюда матеріи, бакалею, галантерейный товаръ, а также изъ сосѣдней Норвегіи — рыбы-треску. Отпускная торговля Архангельска была въ послѣднее время болѣе чѣмъ на миллионъ рублей ежегодно. А какихъ нибудь триста лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ Архангельска стоялъ одинокій монастырь.

Кромѣ Архангельска, торговаго губернскаго города въ 20 тысячъ жителей, есть въ сѣверномъ краѣ Россіи и еще замѣчательное, основанное русскими мѣсто: это Соловецкій монастырь. Онъ расположенъ на Соловецкомъ островѣ, на Бѣломъ морѣ, при самомъ входѣ, съ сѣвера, въ огромную Онежскую губу. Въ первый разъ началось на Соловецкомъ островѣ пустынножителство въ 1429 году: въ этотъ годъ на Соловкахъ впервые водруженъ крестъ угодниками св. Германомъ и св. Савватіемъ. И четыреста лѣтъ уже какъ стекается въ отдален-

ное Бѣломорье, къ монастырю Соловецкому, всякій русской людъ. Идетъ онъ съ разныхъ концовъ великой Россіи поклониться святымъ угодникамъ Соловецкимъ: Герману, Савватію и Зосимѣ. Соберется въ какомъ нибудь изъ прибрежныхъ бѣломорскихъ мѣстъ кучка такихъ странниковъ богомольцевъ — и обрядится карбасъ, неуклюжее суденышко Бѣлаго моря и сѣверныхъ нашихъ рѣкъ. Сядутъ богомольцы-путники на карбасъ — и въ путь, къ Соловкамъ, съ крестомъ и молитвой. Войдетъ карбасъ въ самое голымя, то есть море. И если будетъ на ту пору погода, — подымутся крупныя, соленыя, страшныя съ виду для непривычнаго человѣка волны. А по пути тамъ-сямъ видѣются прибрежныя скалы Бѣлаго моря: смотрятся онѣ своимъ грязнымъ сѣроватымъ камнемъ гранитомъ. Видится на нихъ прѣзленъ тощаго сосняка, да прѣжелтъ выжженной солнцемъ, выцвѣтшей травы или оленьяго моха, или листьевъ ягоды морошки и вороницы. Бѣдутъ богомольцы въ карбасъ: тутъ и дряблая, разбитая ногами и голосомъ старушка въ крашенинномъ сарафанѣ, тутъ и почтенный, раздобрѣвшій купецъ, и сухой худощавый монахъ изъ дальняго монастыря, изъ-подъ Кіева, и баба-солдатка, и всякій другой людъ ѣдетъ. Вотъ завидѣлся на водной ровени бѣлой полосой и монастырь Соловецкій. Все яснѣе и яснѣе онъ кажется. Вотъ выдвинулась колокольня отъ церкви, а тамъ и башни отъ стѣны монастырскаго. Наконецъ подъѣзжаетъ карбасъ къ самому монастырю. Монастырская стѣна вся пе-

редь глазами: она сложена изъ огромныхъ неотесанныхъ камней; такъ велики они, что какъ-то и не вѣрится, какъ такъ сложили ихъ руки человѣческія. У пристани встрѣчаютъ богомольцевъ—странниковъ монахъ въ затрапезномъ платьѣ. Монахъ этотъ—гостинщикъ. Онъ принимаетъ гостей монастырскихъ и отводитъ въ монастырскую гостиницу. Когда наѣзжаетъ много народу, въ каждомъ гостинничномъ покоѣ набирается по нѣскольку гостей. И каждый, посѣтившій монастырь, питается, по монастырскому обычаю, три дня на счетъ монастыря. Но отъ такого трехдневнаго дароваго кормленія прихожанъ казна соловецкая не оскудѣваетъ; она богата всякими приношеніями православныхъ. Въ иные годы высыпаютъ изъ одной монастырской кружки за полтора лѣтніе мѣсяца, въ которые бываетъ приливъ богомольцевъ къ монастырю, до ста тысячъ рублей, и болѣе!

Удивительнымъ покажется дворъ монастырскій непривычному глазу богомольца, прибывшаго въ монастырь впервые. Дворомъ этимъ каждое лѣто завладѣваютъ чайки, морскія птицы, во множествѣ живущія въ лѣтнее время по бережьямъ сѣверныхъ водъ. Чайки такъ свыклись съ людьми въ мирной Соловецкой обители, что не только держатся бокъ-о-бокъ съ ними, но безбоязненно выхватываютъ хлѣбъ изъ рукъ; онѣ клюютъ проходящихъ по двору въ ноги, хватаютъ за поды платья. Отъ ихъ криковъ стоитъ стонъ невыносимый! И какихъ только тутъ нѣтъ: и съ острыми клювами, и съ ути-

ными ногами, и сѣрыя и бѣлыя. Любопытная эта птица чайка. Вотъ что о ней рассказываютъ: Придетъ весна. Надо прилетать чайкамъ на сѣверъ (онѣ отлетали на зиму на югъ, въ теплыя страны; теперь вернутся въ сѣверныя страны класть яйца и выводить птенцовъ). Въ маѣ, когда начнетъ отходить земля и побѣгутъ съ горъ ручьи, прилетитъ сначала одна чайка, передовая. Сядетъ она на соборную колокольню и кричитъ долго-предолго, шибко-прешибко, покричитъ часокъ другой-третій—улетаетъ. Дня черезъ два, черезъ три налетаетъ этихъ чаекъ несосвѣтима сила, проходу отъ нихъ нѣту.

Тѣмъ чайкамъ, у которыхъ въ обычаѣ селиться на лѣто въ дворѣ Соловецкаго монастыря, тѣмъ приходится по прилетѣ ихъ дѣлить дворъ. Ихъ много, а дворъ все тотъ же, не расширится. Онѣ и дѣлятъ его на мелкіе клочки, для cadaго семейства. И вотъ какъ: двѣ чайки берутъ въ клювы по небольшой щепочкѣ, становятся одна передъ другой и бросаютъ щепку прямо передъ собой; смотритъ съ боку свидѣтель. Потомъ двѣ дѣлящія стороны сходятся, бормочать что-то между собой, совѣщаются; и послѣ, когда такимъ образомъ дворъ подѣлятъ, бѣда, если которая изъ чаекъ забредетъ не въ свое мѣсто: ее заклюютъ до смерти. Да этого и не случается съ большими; развѣ полатится какой малолѣтокъ чайка, называемая поздѣшнему чабаромъ. Если путнику придется набрести на участокъ чайки, она будетъ бѣгать вокругъ его ногъ по своей землѣ, будетъ хлопотать, шипѣть, клеваться, а на чужой

участокъ ни-за-что не поидеть. Когда по осени наступаетъ для чаекъ отлетъ на югъ, прилетаютъ къ монастырю вороны. Тутъ между воронами и чайками происходитъ кровопролитіе. Много чаекъ бываетъ побито; зато весной водвореніе чаекъ происходитъ мирно; вороны безъ драки отлетаютъ въ сосѣдніе лѣса...

Заглянемъ въ монастырскую трапезу: въ ней скъзывается богатство Соловецкаго монастыря. Передъ обѣдомъ комната наполняется народомъ. Монахи поютъ. Женщинъ не видать (пришлыя богомолки угощаются за особой трапезой). Затѣмъ совершается чтеніе житій святыхъ дня череднымъ монахомъ. При перемѣнѣ кушаній, при звонѣ колокольчика, читается съ амвона и прислужниками-послушниками молитва: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ; помилуй насъ». Трапезующіе отвѣчаютъ на это: «аминь». Разговоры возбраняются; всѣ ѣдятъ изъ общей чаши; у всѣхъ деревянныя ложки съ вырѣзною благословляющею рукою. Ложки съ разными надписями. Одна изъ нихъ гласитъ: «На трапезѣ благословенной кушать братіи почтенной!» А другая и просто: «Во здравіе братіи!»

Вся посуда оловянная. Солятъ кушанье или обливаютъ уксусомъ прислужники. Трапеза—обильная. Такъ, по разсказу одного посѣтителя Соловокъ, ему пришлось ѣсть, въ непостный день, четыре кушанья: холодное—соленыхъ сельдей съ лукомъ, перцемъ и и уксусомъ, треску со сметаной и квасомъ, удивительно вкусную уху изъ выловленныхъ въ тотъ же

день сельдей и, наконецъ, гречневую кашу съ коровьямъ масломъ и козьимъ молокомъ. Въ концѣ трапезы разносились кусочки просфоры, освященной въ концѣ пѣніемъ и разрѣзанной при томъ же пѣніи.

По угощенію видно, что хозяйство монастырское обильно. Устроеніе этого хозяйства началось знаменитымъ игуменомъ соловецкимъ, а послѣ митрополитомъ московскимъ святымъ Филиппомъ, погибшимъ мученическою смертью при царѣ Иванѣ Грозномъ. Святый Филиппъ, будучи игуменомъ соловецкимъ, усердно устроилъ островъ, до него сильно запущенный. По мысли Филиппа монастырскія озера соединены были каналами, что сильно помогаетъ свободному разведенію рыбы: будь она заперта въ каждомъ озерѣ отдѣльно, ее бы давно переловили. Сънокосные луга расчистили; развели новые; черезъ лѣса и горы проведены мудрымъ пастыремъ дороги; устроена больница для братіи; заведена лучшая и здоровая пища; устроена каменная водяная мельница, а вода для нея проведена изъ 52 дальнихъ озеръ; въ братской и общей кухнѣ заведенъ колодезь, въ который вода идетъ черезъ подземную трубу подъ крѣпостною стѣною. Помпа, накачивающая воду въ колодезь, нагрѣвается зимою нарочно устроенною печью, которая заразъ приготавливаетъ до 200 хлѣбовъ. Увеличивъ и улучшивъ луга, игумень Филиппъ умножилъ и домашній рогатый скотъ; на сосѣднихъ островахъ выстроилъ для него особый коровій дворъ; развелъ на Соловецкомъ островѣ сѣверныхъ оленей, которые живутъ тамъ и до настоящаго времени; вы-

строилъ просторныя соборныя церкви и огромную трапезу, вмѣщающую болѣе тысячи гостей и братій; близъ монастыря сдѣлалъ насыпи и разныя машины для облегченія труда рабочихъ; построилъ кирпичные заводы; замѣнилъ старинныя чугунныя плиты, клепа ла, колоколами; управителямъ монастырскихъ имѣній и всякимъ слугамъ назначилъ жалованье...

Сильно богатый еще съ древнихъ временъ новгородскихъ, монастырь Соловецкій, устроенный св. Филиппомъ, богатѣль цѣлые три вѣка до нашего времени... И теперь его населеніе, кругомъ въ 600 душъ, имѣетъ огромныя припасы: монастыремъ вылавливается морской звѣрь, вытапливается сало этого звѣря, а шкура выдѣлывается; для ловли же звѣря всякихъ родовъ имѣются и всякія снасти, — и для огромной, двухсаженной сальной рыбыны бѣлуги, и для тюленей, нерпы и бѣлковъ; въ губѣ монастырской ловится славный сортъ бѣломорскихъ сельдей, небольшихъ, нѣжныхъ мясомъ и жирныхъ. Ихъ искусно солить въ монастырѣ: тщательно промываютъ, не кладутъ беспорядочно въ бочки, какъ то дѣлается вообще въ Бѣломорѣ, а спинками вверхъ и приправляютъ лавровымъ листомъ. Оттого сельдь соловецкаго засола очень хороша. Впрочемъ ее мало поступаетъ въ продажу. Въ монастырѣ даже полотно непокупное: оно сносится богомольными женщинами съ разныхъ концовъ огромной Россіи; онѣ же приносятъ и нитки. Коровы для молока, творогу и масла въ монастырѣ свои; бараны, живущіе на одномъ изъ острововъ монастыря, даютъ шерсть для зимнихъ

монашескихъ тулуповъ и мясо для скоромной трапезы прислуги, состоящей при монастырѣ. Лошадей у монастыря тоже много. Между монахами и монастырскими служителями есть всякіе мастера: серебряники, слесари, мѣдники, оловяшники, портные, сапожники, рѣзчики. Всѣ другія мастерства, не требующія особыхъ познаній, исполняются какъ обязанности послушанія: таковы рыбный промыселъ, торговля, печеніе хлѣбовъ, дѣло мельничное, малярное. А сколько такихъ богомольцевъ, которые приходятъ работать на монастырь по обѣту! Вотъ хоть бы взять, для примѣра, то, что руками бабъ чистится вылавливаемая на монастырь рыба. Въ монастырѣ можно покупать и кожаныя вещи изъ шкуръ морскихъ звѣрей: сапоги, широкіе пояса...

Богатый монастырь Соловецкій долгое время былъ стоятелемъ за землю Русскую: владѣя встарь всѣми южными берегами Бѣлаго моря, онъ по всѣмъ по нимъ содержалъ остроги съ войскомъ и отражалъ, когда надобилось, своими силами враговъ иноземныхъ.

Такъ утвердились русскіе на крайнемъ сѣверѣ въ теченіе 800 лѣтъ своего пребыванія тамъ: прежніе финскіе народы или вымерли среди новаго, болѣе сильнаго русскаго населенія, или сѣшались съ русскими. Остались отъ нихъ лишь жалкіе остатки, тундряные кочевники самоѣды, да малочисленные лопари и корелы, жители западной части Архангельской губерніи... И возмужало русское племя на сѣверѣ: ему приходилось посвящать себя главнымъ образомъ

рыбнымъ и звѣринымъ бѣломорскимъ и океанскимъ промысламъ, а промыслы эти на бурныхъ и опасныхъ водахъ таковы, что поневолѣ возмужаешь, станешь смѣлымъ и умѣлымъ. Перейдемъ къ описанію этихъ промысловъ: въ нихъ всего полнѣе сказывается вся природа бѣломора, все разнообразіе и всѣ особенности жизни его.

III. Сѣверно-русскіе промыслы.

I. Промыслы бѣломорскіе: сельдяной, семожій, бѣлужій и тюлений (лысуній).

Кому не приходилось ѣсть соленыхъ сельдей? Эта рыбка дешево продается на нашихъ сѣверныхъ рынкахъ и доступна по цѣнѣ самому бѣдному люду. Она бѣльшею частью вылавливается въ Бѣломорскихъ водахъ.

Бѣломорскихъ сельдей два сорта. Однѣ мелкія: тысяча штукъ ихъ вѣсить не больше двухъ или двухъ съ половиною пудовъ. Эти мелкія сельди всегда держатся въ самой южной и неглубокой части Бѣломорья, въ Онежскомъ заливѣ. Выплываютъ онѣ изъ морской глубины въ ноябрѣ: въ это время онѣ мечутъ икру; въ это же время идетъ и ловъ ихъ. Другой сортъ бѣломорской сельди гораздо крупнѣе; тысяча штукъ ея вѣсить до десяти пудовъ. Этотъ сортъ держится всегда сѣвернѣе, въ западной губѣ Бѣлаго моря, Кандалашской. Богатѣйшее мѣсто по лову мелкой сельди — такъ называемая Сорочкая

губа, на юго-западѣ Бѣлаго моря; въ послѣднее время мелкая сельдь стала показываться въ большомъ количествѣ и близъ самыхъ Онежскихъ устьевъ. Тучами идетъ сельдь; ходомъ своимъ она дѣлаетъ даже особый шумъ въ морѣ; опустить палку въ то мѣсто моря, гдѣ кишитъ сельдь, палка будетъ торчать торчмя. Бывали случаи, что во время улововъ сорочкой сельди наступали осеннія оттепели, и изъ боязни норчи рыбы приходилось ее сбывать за сказочно-дешевыя цѣны; цѣлый возъ сельдей, по двѣнадцати тысячъ штукъ, отдавали за двадцать пять копѣекъ серебромъ! А однажды, нагруженную двумястами пудовъ сельдей лодку карбасъ уступили за пятьдесятъ копѣекъ; то есть, пришлось по двѣ тысячи рыбъ за копѣйку! Вотъ чтò разсказывалъ одинъ сорочанинъ объ изобиліи ихъ сельдяного промысла.—Къ нашему мужичку корель на возу за сельдями пріѣхалъ; спросилъ: «если ли?»—«Есть-де карбасъ полонъ, съ верхомъ». Стали спорить, торговаться. Поладили. Купилъ корель весь карбасъ за одинъ рубль мѣдью. «Бери же, смотри, все!» говорилъ хозяинъ. «Ладно, все возьму: тебѣ не оставлю, небось...» Сталъ корель складывать рыбу береженько, хозяинъ стоитъ—поджидаетъ; вѣтъ, вѣтъ да и припугнетъ кореляка, чтобы поскорѣ дѣло дѣлалъ, не медлилъ: некогда-де. Навалилъ корелякъ рыбы полонъ возъ, такъ что ужъ и класть стало некуда. А въ карбасѣ лежитъ еще много; стоитъ хозяинъ, сторожить, покрикиваетъ. «Всю бери, миѣ не надо!»—Да, вить, миѣ некуда:

тебѣ дарю.—«Съ подареньемъ-то твоимъ тебѣ же и подавиться. Куда миѣ твоя рыба? Бери знай. Миѣ съ ней дѣваться некуда: этой-то дряни у насъ много! ты бы-де еще, слышь, песку-то вонъ морского подарилъ!»... Сталъ корель опять куда ни попало прятать, и попряталъ кое-что, да мало. «Нѣтъ, говоритъ, не могу: лучше-де, слышь, тебѣ оставлю!» Вззялся нашъ хозяинъ за палку, да за строгость. «Ты, говоритъ: купилъ всю, всю и бери, хоть подавись! Пригрозилъ эдакъ, поругался, самъ сталъ пихать, да уминать боками. Смѣялся, стало! На смѣхъ кореляку дѣлалъ! Поладили такъ-то: всей рыбы не убралось. Однако отпустилъ кореляка хозяинъ и домой пришелъ, и спать на ночь легъ. На первомъ забытѣ слышитъ,—стучитъ кто-то въ оконцо, зывается. Высунулъ бороду въ оконцо, смотритъ: корелякъ стоитъ. «Чтò братъ, корелушка?»—«Лошадка не смогла, пала. Не знаю, отчего пала.»—«Тяжело, стало, возъ нагрузилъ; много рыбы купилъ; не алчь билъ бы больно-то! Ну, да ладно, сбросай съ воза-то побольше—бери мою лошаденку. Пошутить, вѣдь, я съ тобой. Будетъ время, приведешь лошадку...»

Сорочку сельдь никогда не солятъ на мѣстѣ; она по большей части сбывается мороженою на Шунскую ярмарку въ Олонецкой губерніи. Въ Шунѣ и на Архангельской ярмаркѣ продается до ста тысячъ пудовъ сельди, наловленной по южному Бѣломорскому побережью (такъ называемому Корель-

скому берегу), другими словами, пятьдесят миллионъ рыбъ.

Коптятъ южную Вѣломорскую сельдь только въ деревнѣ Сорокъ, да трехъ окрестныхъ деревушкахъ. И это дѣло дѣлается слѣдующимъ образомъ. Коптильня—изба съ землянымъ поломъ безъ потолка и съ крышею, покатою въ одну сторону, а между досками крыши оставляются большія щели для прохода дыма. Вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнъ утверждено жердей до 15, одна надъ другою, а на нихъ въ столько же рядовъ укрѣплены поперечныя перекладины въ разстояніи полутора аршина одна отъ другой; на этихъ перекладинахъ кладутся опять уже вдоль избы такъ называемые роженцы, заостренные съ обонхъ боковъ палочки, въ мизинецъ толщиной, въ аршинъ десять вершковъ длиной. На каждое роженце нанизывается около 30 сельдей, продвѣвая ихъ сквозь жабры. Въ коптильню входитъ отъ 70 до 100 тысячъ сельдей. Ихъ предварительно просаливаютъ въ особливомъ строеніи, неподалеку, съ плитнымъ поломъ и каменкою, то есть печью, которая нужна для того, чтобы соль лучше брала сельдь. Сельди кладутся кучею на полъ и пересыпаются солью. Потомъ кладутъ новую кучу, еще и эту трусятъ солью, и такъ далѣе. Сельди даютъ отъ себя рассоль и—худо ли, хорошо ли—всѣ просаливаются. Когда сельди просолились, ихъ нанизываютъ на роженцы и тогда уже обмываютъ водою, затѣмъ накладываютъ на доски и несутъ въ коптильню. Прежде чѣмъ въ коптильнѣ разведутъ

огонь, настилаютъ подъ самымъ нижнимъ рядомъ перекладинъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, рядъ досокъ, оставляя между ними большіе промежутки, чтобы огонь отъ разложенныхъ на полу дровъ не дѣйствовалъ на сельдей жаромъ; иначе сельди засохнутъ, закаменѣютъ. Оттого же и дрова раскладываютъ тамъ-сямъ, такъ, чтобы они только тлѣли, а не горѣли, и дымъ былъ бы только тепель. Подъ конецъ жгутъ иногда можжевельникъ, какъ говорится, для цвѣта. Вся работа по копченію длится 12 дней. Цѣна тысячѣ свѣжихъ сельдей 40—45 копѣекъ, а копченыхъ—90 копѣекъ, и даже рубль. Накапчивается до десяти миллионъ сельдей.

Крупная сѣверо-вѣломорская сельдь, кандалашская, всплываетъ изъ морской глубины четыре раза въ годъ: егорьевская, идетъ подо льдомъ, около 23 апрѣля, заледная—тотчасъ по вскрытіи льда; ивановская—съ начала іюня, осенняя—съ Успеньева дня. Все это одинъ сортъ. Только и различія, что въ разныхъ срокахъ всплыванія: молодыя сельди поднимаются въ апрѣлѣ метать икру; онѣ же всплываютъ и по вскрытіи льда; старыя же идутъ метать икру въ іюнѣ, но снова всплываютъ въ августѣ. Самыя жирныя, а стало быть и вкусныя сельди—это осеннія...

Кандалашскія сельди солятся. Солятся также, какъ мы видѣли, и сельди, ловимыя при Соловецкомъ монастырѣ. Посолъ кандалашскихъ сельдей однако плоховать: онъ производится кучно, то есть невы-

чищенных сельдей сыплютъ въ еловыя и сосновыя боченки, дурно держащія разсолъ; мечутъ на сельдей соль, а затѣмъ перемѣшиваютъ. Соли кладутъ вообще слишкомъ мало, и сельдь берутъ всякую, не разбирая того, сколько прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ она поймана: для соли же хороша только та рыба, которая поймана не раньше, какъ наканунѣ дня соленія. Отъ дурного засола сельдь дурно пахнетъ, а у костей бываетъ красновата. Но за такой посоль трудно винить бѣломора: соли онъ лучше — товаръ его сталъ бы дороже и былъ бы не по средствамъ бѣдному люду, не раскупали бы... Теперь же даже непотрошенная сельдь, и та идетъ легко въ продажѣ. Бѣломоръ простодушно говоритъ: «Устюжане не побрезгуютъ, и съ кишечкой съѣдятъ».

Всей соленой сельди кандалашскаго улова получается 200,000 пудовъ и двадцать миллионъ рыбъ.

Вотъ какъ производится ловъ сельди въ Сорокѣ: карбасы выѣзжаютъ въ море попарно, сдѣланными носами посредствомъ петель. Въ каждомъ карбасѣ по неводу. Крылья невода обыкновенно въ 8 сажень въ длину, а мошня, мѣшокъ сѣти, — въ 4 сажени длиною, шириною и вышиною. Стало быть, весь неводъ въ 20 сажень длиною. На каждомъ карбасѣ по три человѣка; изъ нихъ одинъ на носу пощупываетъ палкой стаю рыбы, а то и просто выслѣживаетъ рыбу по ея шуму; другой гребетъ, третій правитъ. Нацупали сельдь — карбасы расцѣпляются и начинаютъ выметывать неводъ съ одного изъ карбасовъ. Веревку одного конца невода оставляютъ у

себя, а отъ другого передаютъ на другой карбасъ. Затѣмъ карбасы разѣзжаются до тѣхъ поръ, пока неводъ не вытянется въ прямую; потомъ гребутъ усиленно веслами, тянутъ неводъ и завязываютъ мошню, оставляя ее до времени въ водѣ. Между тѣмъ закидываютъ и другой неводъ, наконецъ оба невода вытаскиваютъ на карбасы, или же выволакиваютъ на берегъ. Порядка нѣтъ никакого въ толпѣ съѣхавшихся промышленниковъ: путаютъ неводами, начинаютъ драку за мѣста: весла, рукавицы, шапки, все плавааетъ на водѣ: дѣло кипитъ... Не до рукавицъ и шапокъ! Зимой каждое утро вытаскиваютъ невода подо льдомъ; и тогда ледъ — словно рѣшето, отъ прорубей. Куда повернетъ подо льдомъ сельдь — туда и всѣ. Гамъ, крикъ, суматоха... Если бы рыба только услышала такую возню тысячи ребятъ, ушла бы: но, вѣрно, слышать мѣшаетъ ей ледъ. Говорятъ, при удачномъ ловѣ въ неводъ попадаетъ до ста тысячъ сельдей; а въ мережи, которыя тоже ставятъ, до семидесяти тысячъ.

Но въ другихъ мѣстахъ не столь богатыхъ, какъ сельдеобильная Сорока, ловъ нѣсколько иной: тамъ ловить не всякій сколько угодно; тамъ на ловы допускаются съ каждыхъ шести душъ только по-двое, а добычу дѣлятъ поровну между всѣми присутствующими на ловѣ, или же дѣлятъ воду по жеребью, на участки...

Кому приходилось имѣть дѣло на нашихъ сѣверныхъ рынкахъ съ соленою сельдею, тому, конечно, случалось видѣть въ продажѣ и другую сѣверо-океан-

скую рыбу нашу, семгу. Семга — рыба большая и красивая: она величиной отъ полу-до полутора аршина; мясо ея ярко-красное, какъ цвѣтъ полевого мака; спина томно-сизая, съ серебряной чешуей, а брюхо и вовсе бѣло-серебряное. Какъ только наступитъ осень, семга валитъ изъ океана и его огромнаго залива, Бѣлаго моря, въ устья сѣверныхъ рѣкъ; если не попадетъ она, за льдами, въ рѣки осенью, то все-таки войдетъ въ нихъ на слѣдующую весну. Любитъ она прійти въ рѣки осенью и провести въ нихъ всю зиму, потому что мечетъ въ рѣкахъ, по веснѣ, икру. Съ семгой дѣлается прелюбопытная перемѣна во время пребыванія ея въ рѣчныхъ прѣсныхъ водахъ: мясо ея изъ ярко-краснаго цвѣта дѣлается какимъ-то красновато-бѣловатымъ, а на носу у рыбины вырастаетъ тупой крюкъ, словно бы птичій клювъ. Не узнать прежней рыбы! Мясо перемѣняетъ свой цвѣтъ вѣрно потому, что рыба, выметавъ молоку и икру, тощаетъ.

И такъ, выметавши икру и пробывъ въ рѣкѣ зиму, семга къ лѣту возвращается въ море, отоцавшая, поблекшая мясомъ. О ней тогда говорится, что она провоншала, а сама она называется въ такомъ видѣ лохомъ. И бываетъ она не вкусна: тощее мясо, потерявъ весь свой сокъ, дурно, сухо. Потому и не любятъ семгу лоха; потому лохъ и не является въ продажу посоленнымъ. На то употребляется семга въ своемъ красивомъ красноцвѣтномъ мясѣ. Ловится семга во всѣхъ сѣверныхъ нашихъ рѣкахъ, впадающихъ въ океанъ: и въ Печорѣ, и въ

Мезени, и въ Онегѣ и по всѣмъ рѣкамъ Лопской земли, выдающей огромнымъ полуостровомъ въ Бѣлое море съ запада.

Эту вкусную рыбу преслѣдуетъ человекъ всякими хитро-придуманными снарядами.

Когда надобно семгѣ, по осень или по веснѣ, подыматься въ рѣки, поперегъ рѣкъ ставятъ такъ называемые заборы, перегородки изъ свай и кольевъ, къ которымъ прислоняется плетень. Эти заборы бываютъ иногда очень велики; такъ, въ одномъ мѣстѣ Бѣломорья — устраивается заборъ совершеннымъ мостомъ черезъ рѣку: по немъ могутъ идти четыре человека въ рядъ. Заборы ставятся углами: углы раскрыты къ устью рѣкъ, а въ самыхъ вершинахъ угловъ оставляются отверстія, куда вставлены мережи. Подымаясь по рѣкѣ, семга встрѣчаетъ заборъ; путь ей перегороденъ; отыскивая себѣ прохода, тыкается въ заборъ, она, по его стѣнкѣ, доходитъ до самой глубины угла и черезъ оставленное въ немъ отверстіе попадаетъ въ мережу. Разъ какъ рыба попала сюда — она уже въ рукахъ человека: у нея нѣтъ смысла * повернуть назадъ и выйти изъ ловушки. Бойкая рыба семга: она такъ бьется, что было бы очень трудно доставать ее изъ мережъ, въ водѣ. Оттого мережи обыкновенно поднимаютъ изъ воды на воротахъ веревками, привязанными къ верхушкамъ мережъ. Но все-таки рыба бьется... Она, когда ея попадетъ много, успѣваетъ обколотиться объ обручи мережъ даже еще въ водѣ: вся бываетъ въ снѣгахъ. А вынутаая, мечется до тѣхъ поръ,

пока ее не укротят деревянными колотушками по головамъ.

Когда, стремясь къ рѣчнымъ устьямъ, семга идетъ вдоль морскихъ береговъ, ее на этомъ пути ловятъ завѣсками — снарядъ еще ловчѣ придуманный, чѣмъ заборъ. Вотъ въ чемъ дѣло: одна сѣть ставится у самаго берега, прямо поперекъ ему; другая прислоняется къ первой сѣти, къ концу, выходящему въ море, и прислоняется прямо своей середкой; обѣ составляютъ какъ бы прописную букву: Т. Къ обоимъ концамъ второй сѣти приставляется, къ каждому, еще по сѣти, съ загнутыми внутрь краями. А входъ, между этими загнутыми краями каждой изъ послѣднихъ сѣтей, называемый тайниками, сужень еще двумя сѣтями... Рыба, идя вдоль берега, встрѣчаетъ первую протянутую отъ него сѣть; ткнувшись носомъ въ эту сѣть, она повернетъ, но разумѣтся, повернетъ не къ берегу, а къ морю; пойдетъ по стѣнкѣ сѣти и опять—таки уткнется и во вторую сѣть, прислоненную къ первой. И тутъ ей приходится повернуть; и приходится идти по стѣнкѣ второй сѣти, которая и приводитъ ее къ тайникамъ. Войдетъ она въ тайники, чрезъ ихъ узкія отверстія, а выйти изъ нихъ не умѣетъ, какъ не умѣетъ выйти и изъ мережи.

Ставятся на семгу и гарвы; это просто переборка изъ сѣтей, поперекъ рѣчному или морскому теченію: рыба, наплывая на гарву, вязнетъ въ ея ячеяхъ. Ловится, наконецъ, семга и простыми неводами и сѣтеными мѣшками, поѣздами: лодки гребутъ

и тянутъ мѣшокъ за собой въ водѣ. Наконецъ — ловится семга поплавами, это, пожалуй, та же гарва, только пловучая: одинъ конецъ ея привязанъ къ боченку, а другой взять на лодку: боченокъ, лодка, а за ними и поплавень ѣдутъ по теченію; встрѣчающаяся рыба вязнетъ въ ячеяхъ полавня.

Вотъ и всѣ снаряды, которыми толковый русскій житель океанскаго побережья ловить рыбку семушку.

Но только не хорошо то, что при ловѣ семги не знаютъ мѣры: изведутъ ее, — самимъ же будетъ хуже. Заборы, напримѣръ, снарядъ хорошій, ловко приспособленный, однако, при теперешнемъ устройствѣ, вредный. Заборъ перегораживаетъ всю рѣку, да еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ; конечно, въ такой рѣкѣ вся рыба попадаетъ въ руки человѣка, не много ея пройдетъ вверхъ для метанія икры. Счастье еще, что заборы приходится ломать съ осени, чтобъ не унести ихъ ледъ; ставить же ихъ можно не раньше іюня: въ это время, часть рыбы и спасается, и успѣваетъ выметать икру. Если бы оставляли въ каждомъ заборѣ по небольшому свободному отверстию, то все бы шло какъ слѣдуетъ: часть рыбы, необходимая для приплоду, всегда бы оставалась невыловленною, и стало бы, нечего бы бояться, что промыселъ оскудѣетъ.

Вредны и гарвы, особенно если ихъ растянуть по всей рѣкѣ, что и случается въ маленькихъ рѣчкахъ. Вредны могутъ быть и полавки, если ихъ запускать неумѣренно, одинъ за другимъ, и въ большомъ количествѣ.

Правила при ловѣ семги входу такого рода, что никто из жителей не въ обидѣ: всѣ участвуютъ въ ловахъ равномѣрно, или добывая и дѣля добычу сообща, или же имѣя, каждый, свое время для лова въ общей водѣ. Такъ, въ селѣ Варзухѣ, на р. Варзухѣ, текущей по Лопарскому полуострову въ Кандашскую губу, заборъ принадлежитъ всѣмъ жителямъ окрестныхъ мѣстъ (до 1000 человекъ). Они раздѣляются на 5 ярлыковъ, и у каждого ярлыка въ 200 человекъ право на пятую часть забора, т. е. пятую часть всей добычи. Каждый ярлыкъ продаетъ свою семгу съ вольныхъ торговъ. Семга потребляется свѣжою на мѣстѣ въ небольшомъ количествѣ. Главнымъ же образомъ идетъ въ продажу соленою. Солять ее уже сами скупщики. Соленіе производится просто: рыбѣ взрѣзываютъ животъ, потрошатъ его, набиваютъ въ него и подъ жабры соли, втираютъ ею чешую, и затѣмъ кладутъ рыбу — или прямо въ бочки, или на воза. Лучшая семга — онежская, такъ называемая «порогъ». Мясо ея нѣжное, да и засолъ хорошій. Всей семги добывается въ Бѣломъ морѣ 20,000 пудовъ ежегодно. Средняя цѣна на мѣстѣ 3 р. за пудъ, стало быть всего добывается семги на 60,000 р. Въ окончательной продажѣ семга является уже по 10 р. за пудъ, при 20,000 пудахъ составитъ 200,000 р.

Въ нашемъ разсказѣ уже было упомянуто объ океанской бѣлугѣ. Это морской звѣрь, а не рыба... Въ самомъ дѣлѣ, морская бѣлуга схожа съ рыбой только по виду, да по житью своему въ водѣ. Но у

нея свойства звѣриныя — кровь теплая, она родитъ дѣтенышей живыми, а не мечетъ икры; и дѣтенышей этихъ питаетъ молокомъ. Потому не надо смѣшивать морскую бѣлугу съ нашей волжской бѣлугой-рыбой: то настоящая рыба, мечущая икру. Звѣрь-бѣлуга нѣжно любитъ своихъ дѣтенышей: кормя ихъ грудью, она поворачивается на спину, кладетъ дѣтеныша на животъ и, пока тотъ питается молокомъ, придерживаетъ его своею лапою, плавнемъ.

Бѣлуги-звѣри круглый годъ ходятъ цѣлыми стадами въ водѣ океанской; круглый годъ швыряютъ онѣ и въ Бѣломъ морѣ. Но бѣломорскій ловъ ихъ особенно силенъ весной, когда стремятся онѣ къ берегамъ, париться на мелководьяхъ между прибережными островками, въ морскихъ заливчикахъ. И, гдѣ плыветъ ихъ стадо, тамъ играетъ словно пѣна морская: то-и-дѣло мелькаютъ издалика видныя, бѣлесоватая изжелта-серебристая спины звѣря. Значитъ бѣлуга лещится, выставъ на мигъ изъ воды, она привскакиваетъ быстро, опрокидывается головою въ морскую глубь и хватаетъ попутную рыбу, ту же семгу или бы сельдь. И выставая, бросаетъ она вверхъ воду изъ своей круглой поздри-дыкала.

Звѣрь играетъ, потѣшается на свободѣ и идетъ къ берегу, на теплую мелкую воду. А сторожевой русакъ-бѣломоръ зорко слѣдитъ за нимъ, слѣдитъ издалика, въ подзорную трубку; слѣдитъ изъ сторожевой избенки, выстроенной на ближайшемъ пригоркѣ изъ камня, дерна, да древесныхъ вѣтвей.

«Пошла оттыкать пробку свинья морская, говорит онъ: — постой: будетъ тебѣ ужо на орѣхъ»...

Поругиваетъ сторожъ бѣлугу, поругиваетъ издалека, а самъ все же еще не знаетъ: дастся ли рыба? Не подойди она къ мелководью, — только ее и знали! на глуби, какъ увидимъ, ея не ловятъ.

Но вотъ стадо взяло рѣшительно къ берегу...

«Богъ помощь!» кричитъ сторожевой товарищамъ... а тѣ уже знаютъ, день ли то, ночь ли — всѣ живо вскакиваютъ; кто какъ попало бѣгутъ къ лодкамъ, и живо на воду. Плохо, если вѣтеръ не попутный, надо грести, а бѣлуга шуму не любить, сейчасъ повернетъ въ море; плохо, если и сильный вѣтеръ, хотя бы и попутный: при большомъ взводнѣ волнѣ не управись съ тяжелой сѣтью. Лучше всего, если погонить лодки на встрѣчу стаду простой легонькой вѣтерокъ.

Лодки начинаютъ окружать стадо съ двухъ сторонъ. Двѣ передовыя лодки, сѣзжаясь, становятся рядомъ; за ними, отступя одна нѣсколько вправо, другая влѣво, останавливаются слѣдующія двѣ лодки; такъ становятся, какъ бы двумя лѣстницами, и остальные лодки, приплывающія отъ берега; всѣхъ соберется четыре, шесть, восемь... И всѣ, ставъ, каждая на столько далеко другъ отъ друга, чтобы между двумя сосѣдними лодками умѣстилось бы по неводу, въ сто двадцать пять саженой длины, да въ шесть ширины. На верхней кромкѣ неводовъ — поплавки, полѣнья; на нижней грузилъ нѣтъ: сѣть такъ тяжела, что и сама потонетъ. Начинаютъ

быстро передавать неводы съ одной лодки на другую; бѣда, коли не разсчитали разстояній: если останется пустой промежутокъ между которыми изъ лодокъ, въ него уйдетъ весь звѣрь. Неводы передали, связали концами. Лодки ближайшія къ берегу, но отдаленнѣйшія между собою, начинаютъ сѣзжаться; но, сѣзхавшись, не связываютъ своихъ крайнихъ двухъ концовъ, которые одни остались свободны. Одна изъ этихъ лодокъ заѣдетъ за другую и свяжетъ уже не конецъ своей сѣти, а начало ея съ свободнымъ концомъ сѣти той лодки, до которой сѣзхались. Такъ всегда остается одинъ неводъ, какъ бы лишнимъ внутри всего сѣтяного круга, составившагося изъ всѣхъ остальныхъ неводовъ. Изъ этого-то лишняго невода, очутившагося внутри круга, начинаютъ образовывать новый, внутренній маленькій сѣтяной кругъ. Между тѣмъ всѣ лодки, проишнувъ подъ собой верхнюю кромку связанныхъ сѣтей, вѣзжаютъ внутрь большого сѣтяного круга. Бѣлугъ начинаютъ гнать къ сторонѣ будущаго внутренняго малаго круга и захватываютъ въ него. Крикъ, гамъ, ругательства стоятъ неописанные. Ругались еще и тогда, когда заѣзжали стадо; а теперь и подавно: крикомъ надо отпугать бѣлугу, собрать ее въ кучу, вогнать въ малый кругъ. Звѣрь стѣсненъ; онъ бѣсится, чуетъ, что тѣсно, что попался. Цѣлыя стаи чаекъ такъ и выются въ воздухъ и своимъ невыносимымъ крикомъ раздраютъ сердце... Чайки всегда при бѣлугахъ (онѣ вырываютъ изъ пасти выступающаго надъ водой звѣря схваченную имъ рыбу). Прорвисъ бѣлуга изъ

малаго круга, ее задержать стѣны большого: подѣ сѣтями же рыбѣ не пройти: шестисаженныя шириной, онѣ плотно легли на дно мелкой прибережной воды. Затѣмъ и не ловятъ бѣлугу на значительной глубинѣ, что она тамъ проходила бы подѣ сѣтями... Вотъ рѣже начинаютъ показываться бѣлужьи спины: звѣрь поумаялся. А мужики тоже свое дѣло исправили. У нихъ на-готовѣ и кутила, и пѣшны: кутило — желѣзный гвоздь-копье, съ трубкой, а въ трубку всаживается палка-ратовище. Къ кутилу привязана у трубки веревка. Ловець стоитъ наготовѣ: придержавъ лѣвой рукой веревку у самаго кутила, правой держитъ ратовище. Показалась подлѣ его лодки бѣлужина, онѣ всадилъ въ нее, при помощи ратовища, кутило; выдернулъ ратовище, бросилъ его въ лодку и тотчасъ же поотпустилъ веревку, привязанную къ кутилу: такъ звѣрь и ходитъ въ водѣ на привязи, съ кутиломъ въ спинѣ. Возжу то пріотпустить, то подтянуть, чтобы звѣрь умаялся. Умаялся онѣ; высталъ вздохнуть, а тутъ ему пѣшню въ дыхало: пѣшня тотъ же ломъ, палка, а къ палкѣ прибить гвоздями желѣзный острый наконечникъ. Убитую бѣлугу привязываютъ къ стѣнамъ сѣтей: иначе она потонетъ, если не очень жирна. Кровопротилтъ кончилось; неводъ вытаскиваютъ на берегъ. Начинается свѣжеванье добычи: кожу хоравину сдираютъ вмѣстѣ съ саломъ. Эту хоравину рѣжутъ полосками, даютъ ей выпрѣть въ кучахъ или же вымокнуть въ водѣ, чтобы отстала наружная волосатая кожа, алапера. Кожа идетъ на ремни и

обувь. Прежде она бросалась. Первый сталъ выдѣлывать ее Соловецкій монастырь. Сало топятъ. Тутъ же, на берегу, за селомъ, вырыты ямы; выложены онѣ камнемъ, да обмазаны глиной; надъ ямами навѣсятъ котлы, въ нихъ наложатъ наструженное, нарѣзанное кусками сало, разведутъ подѣ котлами огонь... Лучшій сортъ сала—сыротекъ или самотекъ, тотъ, который оттаялъ самъ собой, на солнышкѣ. По вытопкѣ перваго, чистаго сала, остается мутный осадокъ. Этотъ опять топятъ: получаютъ второй сортъ. Затѣмъ, оставшаяся въ котлѣ барда, мазь куда неидетъ: развѣ мажутъ ею сами промышленники свои сапожники-бахилы. Каждая бѣлуга даетъ сала отъ 12 до 20 пудовъ (больше и моржа, и самаго большого тюленя: моржъ даетъ не болѣе 20 пудовъ; большой же тюлень до 10). Бѣлужье сало — лучшее; цѣна ему 2 р. 50 к.— 3 р. пудъ. Всего сала всякаго морского звѣря везется отъ сѣверныхъ береговъ нашихъ до 60,000 пудовъ. Мясо бѣлужье остается на берегу, какъ негодное: его сбѣгаютъ ѣсть стадами собаки не только изъ окрестныхъ деревень, но и изъ отдаленныхъ.

Ловится бѣлуга и не одними обметными неводами. Въ Кандашской губѣ мѣстность измѣняетъ самый способъ лова. Кандашская губа окружена отпрысками гранитныхъ финляндскихъ горъ; поэтому по побережьямъ Кандашской губы нѣтъ такихъ мелкихъ островныхъ протоковъ и заливчиковъ, на которыхъ годились бы обметные невода. За то тамъ есть узкіе длинныя глубокіе горныя заливы: какъ бы

горные доли — ущелья, залиты водою. Когда въ них занесетъ морской полой водою стаю бѣлугъ, ихъ отгораживаютъ отъ моря обыкновенными переметами. Случается и такъ, что бѣлуга сама собою попадется въ руки человѣка; это — когда зайдетъ она въ узкій заливчикъ и затретъ ее тамъ льдомъ. Бѣлуга идетъ на встрѣчу льду, борется съ нимъ; подходитъ подъ него и, не могши оставаться долго подъ водой, безъ дыханія, начинаетъ дружно проламывать ледяной покровъ надъ собою: всѣ бѣлужины собрались; всѣ работаютъ разомъ, напирая на ледъ спинами. Вотъ сдѣлали онѣ отдушину; но уже по сосѣдней деревнѣ разнесся слухъ, что вотъ, моль, бѣлугу затерло, и человѣкъ тутъ-какъ-тутъ; и бегетъ онъ пѣшными тѣсящуюся къ воздуху звѣря-рыбу.

Ставятъ на бѣлугу, уже въ открытомъ морѣ, и просто обыкновенныя ставныя сѣти, въ которыхъ она, походя, запутывается.

Вообще о бѣлужьемъ промыслѣ надо сказать, что промышленники его не очень-то долюбиваютъ. Онъ такой непостоянный: иной разъ много поймается звѣря-рыбы, а иной и совсѣмъ ничего; это видно изъ самихъ нравовъ звѣря: то набѣжитъ, то его ни духу, ни слуху; а и набѣжалъ — уйдетъ при первой тревогѣ.

«Поѣхали наши ребята, сказывалъ одинъ бѣломорь, — «поѣхали за бѣлугой на вздогадь, авось моль встрѣнется. А звѣрь дурень извѣстный, про то не знаетъ, чего человѣкъ-отъ хочетъ: не встрѣнулся. Искали они этакъ-то, долго искали — не на-

шли. Ухватили рожу-то въ горсть, чтобы не больно стыдно было добрыхъ людей, поѣхали въ деревню ни съ чѣмъ. Тамъ, думаютъ, грязью закидаютъ; года съ три и опосля вспоминать да корить будутъ сосѣди. Ъдутъ они, ъдутъ; извѣстно, надрываются сердцемъ, боятся мірскаго суда, а было ихъ съ человѣкъ десять, на трехъ карбасахъ; и неводъ былъ при нихъ, и неводъ они этотъ такъ и не замочили, какъ былъ засмоленной, такъ и остался — ничѣмъ-ничего. Ъдутъ они это въ деревню свою, ъдутъ, да и видимъ, говорятъ, — впереди-то насъ словно пѣна морская! Да какая, моль, тутъ пѣна будетъ: коргъ нѣтъ, водѣ мырять не изъ чего, не изъ чего и пѣны пускать. Надо-де быть, братцы, бѣлуга! Стали присматриваться: бѣлуга и ѣсть! Молись, ребята, да заѣжай, который удалѣе! Такъ и сдѣлали. Выметали сѣть — заѣхали. Вытащили сѣть на мель: сто штукъ бѣлугъ предстали передъ ними какъ на блюдечкѣ. Ну, опростали. Извѣстно, барышу много: плохая бѣлуга меньше 12 пудовъ сала не носитъ въ себѣ»...

Объ огромномъ сильномъ морскомъ звѣрищѣ моржѣ и о промыслахъ за нимъ мы поведемъ рѣчь, когда будемъ говорить о дальнихъ океанскихъ островахъ: тамъ выстаетъ звѣрь этотъ, тамъ и мѣсто промысловъ за нимъ. Въ Бѣломъ морѣ онъ рѣдкій гость. Но въ Бѣломъ морѣ кромѣ бѣлужьяго есть еще другой сальный промыселъ — за всякими тюленями: нерпой, морскимъ зайцемъ, лысуномъ... Тюлени и моржъ хотя живутъ въ водѣ, однако же, какъ и

океанская бѣлуга, тоже звѣри теплокровные, живородящія и молокомъ питающіе своихъ дѣтенышей. Да и самый видъ тюленей и моржей уже не рыбій, а звѣриный, на тѣлѣ шерсть, есть и зачатки ногъ, но, какъ у животныхъ водяныхъ, ноги эти у нихъ стали загребками, ластами, которыми они, какъ рыбы своими плавательными перьями, плаваютъ въ водѣ. Наибольшій изъ тюленей — морской заяцъ, наименьшій — нерпы.

Морской заяцъ названъ такъ по сходству съ сухопутнымъ зайцемъ; только у него голова круглая, шея короткая, а длина его за три аршина; даетъ онъ до десяти пудовъ сала. Длина нерпы не свыше двухъ аршинъ; головка у нея замѣчательно круглая; сала звѣрокъ даетъ отъ 20 фунтовъ до 1¹/₂ пуда. Морской заяцъ рѣдко попадаетъ въ Вѣломъ морѣ. Какъ онъ, такъ и нерпы живутъ не стадами, а въ одиночку, выходя, обыкновенно, на прибрежныя скалы и льды грѣться на солнцѣ, оттого и промыселъ за ними то же, что обыкновенная охота съ ружьемъ. Важнѣйшій изъ тюленьихъ промысловъ — лисуній.

Когда, въ началѣ октября, по берегамъ Вѣлаго моря образуются уже значительныя льды, лисуны, дающіе въ зрѣломъ возрастѣ отъ 3 до 5 и даже до 7 пудовъ (самки отъ 3 до 5) сала, гребутъ сюда своими ластами изъ глубы океанской; они плывутъ безчисленными стадами метать дѣтенышей. Къ началу февраля они уже собралась въ огромный Двинскій заливъ. «На Срѣтеньевъ день, говорятъ по-

моры, — льды опятнаетъ, и звѣря на нихъ — что пня въ лѣсу. Новорожденные звѣрки въ воду не ходятъ, потому что шерсть на нихъ тогда мягка и пушиста; она желтоватая; въ это время ихъ называютъ зеленцами. Этотъ желтый отбѣнокъ скоро пропадаетъ и по чистому бѣлому цвѣту шерсти лисуны дѣтеныши зовутся уже бѣлками. Кожа ихъ весьма цѣнится въ эту пору; но жиру они даютъ еще мало. Недѣли черезъ три или черезъ мѣсяцъ начинаютъ они линять: шерсть слабо держится, дѣлается клочковатую; въ этомъ видѣ звѣрки называются хохлушкой, быстро растутъ и уже имѣютъ жиру отъ одного до полутора пуда...

Стадо съ дѣтми лежитъ обыкновенно на льду, занимаясь продолжительнымъ отдыхомъ. Во время этой залежки всѣ помыслы звѣрей только и заняты защитою дѣтенышей отъ нападеній врага. Размѣщаются они по льдинѣ такъ, что въ серединѣ держатся бѣлки и самки, а, по сторонамъ, кругомъ ихъ, какъ бы стѣна или стража ложатся самцы. Съ другой стороны, звѣри, расположившись на залежкѣ и уткнувшись мордой въ льдину, начинаютъ оттаивать ее дыханіемъ своимъ и теплотой тѣла до того, что продувають ее четверти на полторы, вплоть до воды. Протаиваютъ во льду отдушины звѣри и снизу. Промышленники увѣряютъ, что слышали сами, какъ звѣръ совершаетъ такіа продуванія. И вотъ у звѣря есть всегда готовая, подъ бокомъ, прорубь; черезъ нее ему легко и удобно спастись въ водѣ при первомъ приближеніи злого и безпощаднаго врага —

человѣка... Самки-лысуны учат между тѣмъ неспособныхъ къ плаванію бѣлокъ ходить въ воду; въ нее онѣ таскаютъ ихъ своими лапами, во всѣ шесть недѣль, пока бѣлокъ превращается въ хохлашу. Хохлаша уже окончательно не способна плавать, и потому мать сама старается таскать дѣтеныша по льду, а также вычесываетъ ему когтями линяющую его шерсть. Такимъ образомъ ускоряется выростаніе настоящей шкуры слегка серебристаго, изжелта-сѣраго цвѣта. Звѣрокъ становится сѣрой...

Между тѣмъ льдины, а съ ними и держащіяся на нихъ звѣри изъ глубины Двинскаго залива постепенно подаются на сѣверъ: все это медленно несется по теченію. Съ каждымъ морскимъ отливомъ льдинъ отрывается все болѣе и болѣе; съ приливомъ льдины хотя и снова приносятъ къ берегамъ, но уже все сѣвернѣе и сѣвернѣе. Къ началу марта льдины со звѣрями достигаютъ поворота въ Мезенскій заливъ Бѣлаго моря, гдѣ расположилось урочище Кеды — главное сборное мѣсто звѣропромышленниковъ. Потомъ льдины приотнесетъ на западъ, къ противоположной части Бѣлаго моря, а оттуда несетъ уже обратно къ сѣверо-востоку, въ океанъ черезъ горы Бѣлаго моря. Въ это-то время, къ Алексѣеву дню (17 марта) дѣтеныши и становятся сѣрками, способными плавать, и потому, не дожидаясь родителей, уплываютъ съ льдами въ океанскую глубь. Тамъ они пробудутъ до слѣдующей осени, выростутъ, сдѣлавшись сѣрунами, воротятся въ Бѣлое море слѣдующею

осенью и въ немъ, черезъ годъ по рожденіи, явятся совершенными звѣрями-лысунами. Родители же ихъ, пройдя съ ними нѣсколько на сѣверъ, отдѣляются отъ своихъ дѣтенышей и льдовъ и, спускаясь снова на югъ, заворачиваютъ въ Мезенскую губу. Это въ десятыхъ числахъ апрѣля. Здѣсь, въ ясные солнечные дни выходятъ они на Мезенскія льдины и лежатъ неподвижно огромными стадами. Обернувшись на спину и грѣя брюхо на солнцѣ, протавляютъ они во льду теплою своего тѣла какъ бы корыта или ванны. Такія стада отдыхающихъ лысуновъ промышленники называютъ за лежки. Льды Мезенскаго залива хотя и относятся вѣтрами отъ береговъ, однако никогда не выносятся въ море и только приближаются то къ одному берегу, то къ другому. Отдохнувъ, звѣри уплываютъ въ океанъ въ началѣ мая.

Какъ жизнь лысуновъ въ Бѣломъ морѣ различна, такъ и промыслы за ними разны. И если въ рассказанныхъ нами промыслахъ за сельдями, семгой, бѣлугой выказались умѣнье и дѣятельность русскаго бѣломорскаго населенія, то въ промыслахъ за лысунами обнаруживаются не только эти качества русака-бѣломора, но и большая его смѣлость и отвага. Промыслы лысуны, какъ увидимъ, бываютъ нерѣдко опасны.

Прежде всего скажемъ о промыслахъ въ Двинской губѣ. Сначала, стрѣляя, бой лысуновъ изъ винтовокъ на водѣ, съ лодокъ и на льдахъ. Этотъ промыселъ тянется съ зимняго Никола до Срѣтеня; онъ особенно успѣшенъ тогда, когда звѣрь, преслѣдуя

стаи вкусной небольшой сѣверной рыбы наваги, подбирается къ самымъ устьямъ Двины. Дѣло, стало быть, то же, что при добываньи морского зайца и нерпы.

Второй промыселъ есть, вообще, такъ называемый вывoločный. Главная добыча его бѣлки и хохлуша. Бѣлковъ бьютъ со Срѣтенья до перваго марта на сѣверномъ, такъ называемомъ — зимнемъ, берегу Двинской губы. Оттого эта часть вывoločнаго промысла имѣетъ свое названіе зимнебережнаго. Хохлушъ же и бѣлковъ бьютъ по двадцатая числа марта у урочища Кедровъ, почему и промыселъ называется Кедровскимъ. На оба эти вывoločные промысла собирается до 3,000 двинянъ и мезенцевъ; особенно многолюденъ послѣдній: на немъ бываетъ 1,500—2,000 промышленниковъ. Разница обоихъ вывoločныхъ промысловъ въ томъ, что на зимнебережномъ преимущественно добываются шкурки, а на кедровскомъ — сало.

Третій промыселъ на взрослога звѣря и сѣрка начинается раньше окончанія кедровскаго и длится дольше всѣхъ, до вешняго Никола: онъ производится при слѣдованіи сѣрокъ въ океанъ и при заѣжкѣ большого звѣря въ Мезенской губѣ.

Четвертый промыселъ бываетъ въ апрѣлѣ, когда заходятъ изъ океана въ Мезенскую губу.

Вотъ какъ производится вывoločный промыселъ.

Промышленники принимаются высматривать сѣ берега — гдѣ залегли семейства лисуновъ. Высмотрѣвъ ихъ, отправляются въ путь по льдамъ; если же

льды у береговъ такъ велики, что звѣря за отдаленностью не видать — то идутъ за нимъ наугадъ. Провизию берутъ на три дня и тащатъ ее за собою въ лодкахъ, поставленныхъ на полозья. Лодки, а не сани тутъ нужны потому, что льды можетъ разломать, и тогда пришлось бы плыть. Любопытны эти промысловыя лодки. Дно ихъ выдолблено изъ цѣлой осины; къ нему пришито съ каждой стороны по двѣ еловыхъ доски. Поперечныя внутреннія скрѣпы очень тонки и кромѣ среднихъ составныхъ сдѣланы изъ корней. Это весьма нужно: корневыя скрѣпы упрутся распирають днище; оны легки, да и если лодку не сильно стиснетъ въ пловучихъ льдахъ, она только сожмется и выскользнетъ изъ льдинъ. Обыкновенно употребляемая на вывoločномъ промыслѣ лодка подымаетъ семь человѣкъ (кормщика и шесть гребцовъ) и до 40 пудовъ клади. Приближаются промышленники къ лисунамъ такъ, чтобы звѣри ихъ не разглядѣли на снѣгу; и для того они надѣваютъ поверхъ платья рубахи или же что либо бѣлое, а то несутъ передъ собою обледенѣлыя доски. Такъ удается подойти къ звѣрямъ вплотную; и тогда начинается настоящая рѣзня: тюленя бить не опасно, лишь бы только руки не устали. Бѣлковъ же и хохлушей не надо даже и обманывать: не умѣя плавать, они не только не бросаются за матерями въ воду, но, повидимому, ихъ еще не пугаетъ и самый образъ человѣка; они отдаются промышленникамъ, не трогаясь съ мѣста. Промыселъ бѣлковъ и хохлушъ называется вывoločнымъ вотъ почему: на-

бивъ звѣря, бѣлковъ, хохлушу, а подчасъ и лисуновъ, промышленники свѣжуютъ его тутъ же на льду; снятую вмѣстѣ съ жиромъ кожу свертываютъ въ тюки и волокутъ за собою, тушки же бросаютъ, какъ негодныя, на льду. Тюки стараются какъ можно скорѣе выволочить на берегъ. Если приходится плыть между льдами — тюки тоже плывутъ, привязанные къ лодкамъ; жиръ въ холодной водѣ не таетъ и не вытекаетъ. Отъ выволакиванья добычи и самый промыселъ выволочный. Выволакиванье — дѣло трудное: изволь, тащи за собою тюки по неровнымъ льдамъ, да еще тащи, не медя, потому что всякая лишняя клажа на льдахъ — бремя человѣку; даже и безъ клажи опасно среди замерзшихъ водъ: каждую минуту льдины можетъ разломать и унести вѣтрами въ море.

Въ загребномъ промыслѣ промышленничья удалъ разыгрывается еще шире. Надобно сказать, что прежде промышленники дѣйствовали тамъ всегда одною огромною артелью. Въ послѣднее время эта огромная артель, къ сожалѣнью, распалась на три. Въмѣсто того, чтобы дѣйствовать дружно, что безопаснѣе, каждая изъ трехъ артелей спѣшитъ выйти на промыселъ раньше своихъ соперниковъ, спѣшитъ предупредить ихъ и поэтому пускается на ледъ, просто очертя голову; дѣлались даже такія штуки, что передовые спугивали звѣря: не доставайся-де другимъ. На загребномъ проводятъ время не урывками, не по три дня, какъ на выволочномъ, а располагаются такъ, чтобы пробыть на льду сколь воз-

можно дольше. Поэтому и запаса берутъ съ собою гораздо болѣе и самыя лодки больше, такъ какъ часто приходится плыть въ совершенно открытомъ морѣ. Доплывъ до льда, вытаскиваютъ на него лодки и располагаются какъ можно удобнѣе. Прежде, устраивая временное жилье, совѣмъ выгружали лодки, валили ихъ на бокъ и затагивали съ открытой стороны входъ парусомъ; подъ такимъ навѣсомъ и укрывались отъ бурь и непогодъ. Но случилось, что ледъ внезапно трескался и вдругъ подавался, и вся разбросанная провизія гнила. Потому благоразумно измѣнили устройство временныхъ жилищъ; именно: лодку не разгружаютъ, а протягиваютъ надъ нею отъ носа до кормы веревку, распяливая ее на палкахъ, а на нее накладываютъ парусъ: вотъ и палатка готова. Огонь разводятъ на льду, въ такъ называемыхъ печкахъ, попросту на желѣзныхъ листахъ; воду таятъ изъ свѣга. Расположившись такимъ осѣдлымъ образомъ, хозяева начинаютъ посылать изъ своихъ ребятъ по трое, по двое, по одному на развѣдку звѣря; это называется идти въ хозъ. Хозъ — мѣшокъ съ провизіей на три дня, обертываемый вокругъ пояса. Чтобы идти въ хозъ, надо быть человѣкомъ находчивымъ, смѣлымъ, сообразительнымъ. Предстоитъ перебираться черезъ разсѣлины между льдовъ или перескакиваетъ съ рупака на рупакъ, то есть, по водѣ, съ такой льдины на льдину, которая только что можетъ сдержать человѣка. Надо также переѣзжать на лыжахъ, по шугѣ, густой ледяной кашѣ, плавающей въ водѣ же: ма-

лѣйшая запинка — и человѣкъ погибъ. Самое обращеніе со звѣремъ требуетъ сноровки: у звѣря отличное чутье, онъ никакъ не потерялъ бы приближенія человѣка, если бы тотъ подходилъ со стороны вѣтра. И такъ, подходить надо противъ вѣтра, чтобы къ звѣрю не доносило человѣчьяго духа. И на этомъ промыслѣ, набивъ звѣря, тотчасъ же стараются отправить добычу на берегъ. Конечно выгоднѣе, если приходится тащить тяжелую добычу по льду немного, то есть если между льдами встрѣчаются значительныя и частыя воды; но не хорошо и то, когда льды расходятся на далекое пространство: на открытой водѣ, при волненіяхъ, опасно въ нагруженныхъ лодкахъ; къ тому же холодная вода, обдавая людей, мерзнетъ на нихъ, отчего нѣкоторые промышленники и совсѣмъ замерзали. Особенное счастливое обстоятельство при боѣ большихъ тюленей то, когда долгими вѣтрами съ моря ледъ стонитъ вплотную; звѣрю нѣтъ пути въ воду; но и тутъ онъ ухитряется избѣгнуть смерти: всѣ тюлени начинаютъ сползаться въ кучу и слятся своею тяжестью проломить ледъ и уйти. Изрѣдка это имъ и удается.

2. Новоземельскіе промыслы: перьпичій, моржовый;—ловъ гольцовъ.

Промышленность сѣвернаго русскаго человѣка раскинулась не по однимъ только рѣкамъ сѣвера да по Бѣлому морю: промышленяя, забирается русскій

человѣкъ по океанскимъ волнамъ на самый просторъ океана; заноситъ его на крайній западъ и далеко на сѣверо-востокъ. Посмотримъ сначала, что дѣлается онъ на сѣверо-востокѣ. Тамъ, на рубежѣ Европейской Россіи и Сибири, выдвигается продолженіемъ горъ Уральскихъ, среди студеныхъ волнъ, исполинская Новая Земля. Она состоитъ изъ двухъ громадныхъ острововъ, тянущихся одинъ за другимъ по прямому направленію къ сѣверу и раздѣленныхъ лишь узкимъ проливомъ Маточкинымъ Шаромъ. Вотъ къ этой-то Новой Землѣ, изобильной и звѣремъ, и птицей, и рыбой, и направляютъ промысловыя суда и изъ Печоры, и изъ Бѣлаго моря. Она такъ богата всѣми этими естественными богатствами, что русскій людъ прозвалъ ее «маткой кормилицей». Путь туда открытъ бываетъ только съ начала іюня, а въ сентябрѣ уже снова стануть ходить льды и скоро, въ томъ же мѣсяцѣ, становятся сплошной стѣной. Предложите-ка самому отважному мореходу отправиться на Матку въ осеннее время, онъ отвѣтитъ: «Хоть золотомъ озолоти меня, не поѣду. Первая голова у меня на плечахъ, и шкура неворочена». Скажетъ онъ также, что помимо трехъ недолгихъ мѣсяцевъ льдовъ у Матки столько, что они въ пылъ изотрутъ суденко, хоть бы и самое крупное, шхуну ли то или ладью: «И никакими силами отъ льдинъ отъ этихъ не заборонишься. Ходятъ онѣ такія большія, что и глазомъ не окинешь: какъ бродячая гора, льдина кажется верстъ по десяти длиннику, а бываетъ и больше этого. Трѣску

да визгу, да всякаго шуму, словно свѣтъ Божій представляется»...

И добро бы совершали люди такія плаванія съ опаской да оглядкой: тогда бы такъ. Но съ опаской пускаются въ эти плаванія только онежане, а бѣдныя кандалашцы ѣздятъ на Новую Землю на такихъ судахъ, которыя проданы имъ, бѣднякамъ, за негодностью, и правду говорятъ на Вѣломорьи: «Они сами зовутъ смерть къ себѣ, да смерть къ нимъ не приходитъ».

Начинаются новоземельскіе промыслы съ Петрова дня въ іюні мѣсяцѣ. Промыслы снаряжаются хозяевами: обрядить хозяинъ судно: съ восемью и даже десятью работниками или, какъ говорится, «о покруть брядить съ покрутчиками»; его же и провизія, и весь снарядъ... За то, когда раздѣлять добычу на части, такъ каждому покрутчику по одному паю, хозяину же гораздо большая доля. Главный изъ покрутчиковъ, кормщикъ, получаетъ также на свою долю излишекъ противъ товарищей. Бывають такіе хозяева, которые снаряжаютъ и не одинъ покруть.

Вотъ какое хозяйство отпускаетъ, по словамъ одного пустозера, хозяинъ на покруть. «Надо ѣхать на Матку», говорилъ пустозерь: «недѣль на двѣнадцать, коли не больше, и сколько ни бери народу, а на каждого человѣка клади-знай: 7 пудовъ муки оржаной и ячной, пуда полтора житной крупы да толокна (а хлѣбъ на сѣверѣ дорогъ, особливо на Печорѣ), да столько же трески соленой. Безъ нея

нашъ братъ, пожалуй, и на оленину пойдетъ: ее клади; да пуда полтора солонины, да по десяти фунтовъ масла коровьяго, столько же постнаго: безъ него, какая же каша живеть? Опять по праздникамъ колюбякъ надо съѣсть, вѣдь не каторжные же! клади опять-таки, значить, на человѣка: одинъ ушатъ кислаго молока, али творогу, это все едино; полтора фунта гороху на постные дни; ну! клади ужъ фунтъ меду краснаго, безъ киселя въ постный день не проживешь, какъ ни мудри; опять же на всю артель клади безпрѣмѣнно, какъ Богъ святъ, безъ того у насъ и толкъ не стоитъ, и жить нельзя просто-на-просто. Бочку моченой морошки надо взять, какъ крестъ на груди: безъ морошки цынга одолить на смерть, а смерть на Новой Землѣ не человѣчья вѣдь: безъ покаянья мрутъ, потому тамъ нѣтъ поа и никакого другого человѣка не найдешь... Знай, пожалуй, и еще, что всякому покрутчику надо оленину дать на постель, да овчинное одѣяло. Вожьи, вѣдь, люди, душоньки-то въ нихъ тоже Христовы, отъ ребра Адамова! Пушай одежду—лопаты по нашему—они свою приносятъ; безъ того, извѣстно, нельзя; ну, а вотъ дальше-то тутъ тебѣ и пойдетъ: снасти, ружья, порохъ, сѣти, самое-то все дорогое, не подходящее. А на одномъ-то суднѣ надо послать, по крайности, человѣкъ 8 или бо 10, да еще и судно то-промысли, обряди по морскому: путь отъ насъ дальній, хоть, пожалуй, и ближе другихъ, а при непопутныхъ вѣтрахъ, почестъ, въ недѣлю только угодишь. Такъ вотъ дѣло-то оно и

выходить куда большое, самое купецкое, да и купца-то богатаго! Оттого у насъ большія дѣла и ведутъ все ижемскіе зыряне, богатый народъ; а у нашихъ богачей и остается кроха малая, и ходять все въ складчину, нарываютъ какъ бы на одну артель тремъ хозяевамъ угодить»...

Такъ, обрядивъ покрутъ, снабдивъ его всеѣмъ нужнымъ, хозяева посылаютъ его къ Новой Землѣ. И побѣжить по веснѣ суденко на Матку. Тамъ нерѣдко затираютъ его у береговъ льды, даже по нѣскольку недѣль. Худо-хорошо пробѣжить оно. Покрутики, помоляся Богу, озираться: все ли ладно. Становище выбирается лицомъ на полдень, теплѣе будетъ. Заведенныя промышленниками въ прежніе годы избы чинятся. А для починки океанская волна приноситъ лѣсъ изъ странъ южныхъ, «плавень». Если промысловую избу расшатало за зиму, гдѣ планочку придѣлаютъ, гдѣ и цѣлое новое бревно вкатытъ, окно мохомъ заткнутъ. И пойдетъ снова изба на услугу, на все лѣто. «Тамъ ужъ, сказываютъ промышленники, — извѣстно купецкихъ своихъ обрядовъ не соблюдаешь: все благо! И не умоешься въ который день, Богу забудешь помолиться, выспишься, гдѣ приткнетъ тебя усталость, все съ рукъ сходить, все въ душевное удовольствіе. Надо быть, человекъ ужъ такимъ сотворенъ, что, куда ты его ни сунь, вездѣ найдетъ, свое дѣло править»...

И въ самомъ дѣлѣ на Новой Землѣ есть какое дѣло править: прійдя въ одно изъ новоземельскихъ становищъ, хозяинъ посылаетъ свои малыя суда,

карбаса, промыслятъ моржа, а самъ остается, обыкновенно съ мальчикомъ, на суднѣ, за другимъ дѣломъ. Посмотримъ сначала, чѣмъ занимается онъ. У него запасено отъ 5 до 7 прометовъ: онъ разставляетъ ихъ на нерьпы и бьетъ попавшаго въ сѣти звѣря. Очень на сѣверъ онъ не подымается: тамъ нерьпы не держутся; а если и есть лысуны и морскіе зайцы, такъ тѣ въ прометы не идутъ. И непрерывно, день и ночь, занятъ хозяинъ добываніемъ нерьпы. Благо въ это время ночи на сѣверѣ свѣтлы, какъ день. Вѣломорскій прометный промыселъ на нерьпу совершается не совсѣмъ такъ: онъ не производится днемъ, и только ночью начинается лишь съ 15-го августа, когда ночи стали темны. Это оттого такъ, что нерьпы на Вѣломъ морѣ приучились уже изъ годовъ въ годы остерегаться прометовъ, и потому, когда свѣтло, онѣ въ промѣтъ ни за что не попадаютъ. Что умный звѣрокъ приучился на Вѣломъ морѣ опасаться прометовъ, это такъ: вѣдь въ прежніе же годы та же нерьпа шла въ прометъ и на Вѣломорѣ днемъ и свѣтлою ночью, какъ идетъ она на Новой Землѣ, еще не приученая. Если теперь попадаютъ на Вѣломорѣ нерьпы въ прометъ днемъ, то говорятъ, что это къ головѣ, то есть къ смерти той, чей прометъ.

Ловъ нерьпы прометами, на Новой Землѣ, бываетъ иногда очень богатъ. Разъ въ трое сутокъ попало въ три промета до двухсотъ звѣрей. Обыкновенно же за лѣто каждый судохозяинъ наколачиваетъ ихъ до ста штукъ.

Содравъ съ нихъ кожу, жиръ отдѣляютъ и складываютъ въ бочки сырьемъ: сало топятъ уже дома; кожи же растагиваютъ на берегу для просушки.

Пока хозяинъ бьетъ нерпу, его ребята занимаются боемъ моржа. И этотъ промыселъ не безъ опасности. Моржъ, какъ извѣстно, не рыба, а звѣрь, то есть животное съ теплою кровью, родящее живыхъ дѣтенышей и выкармливающее ихъ молокомъ. Какъ у звѣря морского, у моржа нѣтъ ногъ; а вмѣсто нихъ, у него, какъ и у тюленя—ласты. На мордѣ у моржа щетинистые усы, а изъ рта идутъ книзу два большихъ зуба-клыка. Моржъ—огромное рыжее животное; онъ бываетъ вѣсомъ даже до 100 пудовъ; одного сала вытапливается изъ его туши отъ 15 до 20 пудовъ, и даже до 27 пудовъ. Но, не смотря на свою огромную величину, это животное не только не хищное, но даже и самое мирное. Пища его уже показываетъ, какъ онъ кротокъ: онъ кормится лишь морскими мягкотѣлыми червеобразными животными да водяными растеніями. Моржъ, какъ и океанская бѣлуга, очень любитъ своихъ дѣтенышей; онъ качаетъ и баюкаетъ ихъ между своихъ ласть, перевернувшись на водѣ, на спину. Клыки служатъ моржу для того, чтобы вылѣзть на льдины. Бьютъ моржа на этихъ льдинахъ или въ одиночку, или окружая цѣлое ихъ стадо. Вотъ высталъ моржъ изъ воды, ухватился за берегъ или за край льдины своими клыками, приподнялся и выползъ на сушу; залезъ онъ у самой окраины и спитъ. Высталъ и другой моржъ тутъ же, но онъ въ другое мѣсто не пой-

детъ, а отодвинетъ своего товарища дальше на берегъ или на льдину, а самъ ляжетъ на его мѣсто. Такъ поступить и третій моржъ со вторымъ. Такимъ образомъ кладутъ они залежку, и тотъ, который высталъ первымъ, очутится наконецъ версты за двѣ отъ берега. Лежать моржи и крѣпко спятъ. Между тѣмъ одинъ изъ нихъ всегда на сторожѣ; и знаютъ они, что сторожъ своихъ не выдастъ: у него чутье тонкое: услышитъ онъ духъ человѣка, взреветъ—и тогда только бульканье считай; всѣ моржи начнутъ опрокидываться въ воду. Спать ли когда моржи или не спать, отъ бездѣлья возятся и играючи колятъ другъ друга клыками—все равно—надо осторожно подѣзжать къ нимъ на лодкѣ. Подѣзжать надо противъ вѣтра, чтобы не доносилъ вѣтеръ до нихъ духу человѣчьяго. Почуяли промышленники запахъ моржей или же услышали ихъ ревъ, живо надѣваютъ на себя, какую попало, одежду и спихиваютъ въ воду легкую лодочку, берутъ съ собою кутило и ружье, заряжаемое толстой пулей, и плывутъ двое къ льдинѣ, но такъ, чтобы вода не шумѣла. Одивъ изъ промышленниковъ стоитъ съ кутиломъ на-готовѣ, другой—гребетъ. Видятъ они сторожа-моржа: онъ какъ будто спитъ, а нѣтъ-нѣтъ и подыметъ голову. Они подѣзжаютъ къ нему. Весь онъ сморщился, весь въ складкахъ... Если бросить ему кутило на морщины, то никакое кутило не пройметъ складокъ—такъ толста моржовая кожа. Вотъ потому-то, когда промышленники подѣдутъ близко, надо прежде разбудить моржа и испугать его: онъ

проснется и выпрямит складки на тѣлѣ; кутило тогда и вонзаютъ въ него, а отъ кутила въ лодкѣ остается веревка. Раненый звѣрь соскакиваетъ въ воду. Надо сейчасъ же отгребать отъ берега: моржи хотъ и смиры на сушѣ, но въ водѣ они сейчасъ полѣзуть въ драку, истыкаютъ лодку клыками и могутъ потопить ее: недаромъ много запласть на промысловыхъ лодкахъ. И вотъ раненый моржъ на привязи; онъ то сунется въ воду, то опять вынырнетъ: морской разсолъ разѣдаетъ ему рану; а между тѣмъ къ веревкѣ привязанъ боченокъ, который и мѣшаетъ моржу уходить въ глубь. Моржъ смекнетъ это и начинаетъ бить боченокъ клыками; но какъ на боченкѣ вплотную насажены обручи, то моржъ только тѣшится. Наступаетъ самая трудная часть охоты: промышленнику, который бросилъ кутило, приходится теперь выскочить на берегъ, воткнуть въ землю или льдину коль и на коль привязать моржа. Онъ для этого выбираетъ то время, когда моржъ выйдетъ изъ воды подышать воздухомъ. Не удайся промышленнику во-время закрѣпить звѣря на берегу—звѣрь начнетъ метаться и возить лодку изъ стороны въ сторону. Промышленнику удалось выскочить; живо уперъ онъ коль и сталъ наматывать на него веревку. Звѣрь снова погрузился и снова высталъ. Промышленникъ еще снова наматалъ нѣсколько веревки и приналегъ на коль. Звѣрь изусталъ, снова высталъ; тутъ ему пускаютъ пулю въ зашеекъ, гдѣ у него кость тоньше: на вискахъ кость такъ толста, что ее не пробьетъ: пуля рас-

плющается. Звѣрь убитъ; остается только взять его на катокъ, на воротъ и катить на льдину, какъ бочку. Когда моржи ложатся по осенямъ цѣлыми стадами на льдахъ, промышленники добываютъ ихъ уже не по одиночкѣ, а какъ есть цѣлое же стадо: подкрадутся къ нимъ и отгородятъ ихъ отъ воды. Удастся это—дѣло пойдетъ легко. Только и труда, что переходить отъ одного моржа къ другому, да бить ихъ чѣмъ попало: палками, кутилами... Звѣри мечутся, толкаютъ другъ друга, падаютъ, кубыркаются: промышленники же режутъ, отпугивая ихъ отъ берегу. Моржа добываютъ ради его сала, кожи, дающей мягкіе и гибкіе ремни, и ради костяныхъ его клыковъ.

При вытопкѣ моржоваго сала получается $\frac{2}{3}$ вѣса жидкой ворвани, а остальное никуда негодная барда. Средняя цѣна ворвани 2 р. 50 к. Кожа большого моржа стоитъ отъ 10 до 12 рублей; если же промышленникъ самъ разрѣжетъ ее на ремни, по получить до 40 рублей. Цѣна моржовымъ клыкамъ, тонкимъ, 60 коп. за фунтъ; большіе клыки вѣсятъ иногда до полупуда. Такимъ образомъ большой моржъ даетъ: за 12 пудовъ ворвани—45 руб., за клыкъ—12 р., за кожу—отъ 12 до 40 р.; всего отъ 69 до 97 р. Обыкновенной величины моржъ даетъ отъ 37 до 49 рублей.

Къ срединѣ лѣта, къ концу іюля, когда на западной сторонѣ Новой Земли моржамъ дѣлается слишкомъ жарко, они уплываютъ на востокъ, въ холодное Карское море. Тогда бой ихъ прекращается

до осени, т. е. до возвращенія ихъ оттуда. Карбасы возвращаются къ своимъ хозяевамъ въ становища, и всѣ промышленники принимаются за ловъ гольцовъ. Это рыба съ краснымъ мясомъ, похожая на семгу, только меньше; вѣситъ обыкновенно 4 фунта. Ловятъ гольцовъ, какъ семгу, въ наскоро устроенныхъ заборы, также сътями, ставушками и неводами. Прежде гольцовъ водилось у береговъ Новой Земли огромное множество: сразу изъ ставушекъ получали по 20 пудовъ. Соли не хватало для просола ихъ. Нерасчетливые ловы очень уменьшили обиліе рыбы. Къ счастью, какъ только человѣкъ замѣчаетъ обѣднѣніе промысла, онъ бросаетъ его навремя, а рыбы или звѣря между тѣмъ и наплодится снова. Теперь гольцовъ снова изобильно: въ 1852 г. два промышленника наловили въ одной рѣкѣ—одинъ 470 пуд., а другой—430 пуд. Цѣна соленыхъ гольцовъ послѣдніе годы была 3 р. за пудъ.

Хорошо, когда и въ холодной землѣ есть чѣмъ нажитья трудолюбивому, толковому человѣку. Но бѣда, если лютая зима захватитъ людей на жалкой, бесплодной, непріютной Маткѣ. Большею частью—имъ смерть послѣ невыразимыхъ страданій! Недаромъ всѣ берега Вѣлаго моря, всѣ острова и луды, гряды прибрежныхъ камней уставлены крестами, ихъ ставила набожная рука морехода-промышленника въ память избавленія отъ неминуемой смерти во время морскихъ предпріятій. Недаромъ и пословица: «кто на морѣ не бывалъ, Богу не маливался».

3. Калгуевскій промыселъ за птицею.

На огромномъ океанскомъ островѣ Калгуевѣ больше гостепріимства для человѣка, чѣмъ на Маткѣ. Выставился Калгуевъ изъ океана на низкую землю, а какъ бы опрокинутымъ блюдечкомъ; слѣдовательно его продуваютъ вѣтры и освѣжаютъ его воздухъ: вокругъ него проходитъ теплое морское теченіе: отъ того холодъ на немъ и не такъ суровъ. И нужды нѣтъ, что далеко стоитъ этотъ островъ на сѣверѣ; на немъ есть постоянные обитатели—самоѣды, привычные къ стужамъ и непогодѣ. Островъ богатъ. На берега его выплываетъ бѣлуга, встаютъ нерпы, лиси, морской заяцъ, по землѣ его бѣгаютъ дикіе сѣверные олени и песцы; въ прѣсноводныхъ рѣкахъ и озерахъ его водятся всякія вкусныя сѣверныя рыбы: гольцы, сига, омули, форель и пр. Съ весны налетаютъ сюда, какъ и въ другія части крайняго сѣвера, всякія перелетныя птицы проводятъ здѣсь лѣто, кладутъ здѣсь яйца, выводятъ дѣтенышей, а затѣмъ улетаютъ снова въ теплыя страны... «Видалъ ты, спросить съ похвалъбой бѣломор-мезенецъ, какъ журавли летятъ по поднебесью? Ноги вытянуть взадъ, крылья распусть, носы вытянуть, загогочуть. Одного вожака впередъ пустятъ и полетятъ. Знай ты это; весной эти гуси летятъ къ сѣверу, они летятъ на наше море, на острова наши, а пуще всего на Калгуевъ. Вотъ почему мы очень любимъ Калгуевъ. На ту пору, когда птица прилетитъ на Калгуевъ, она прилетитъ въ такомъ огром-

номъ числѣ, что отъ нея стоитъ безустанный крикъ. Такого крику и въ Соловецкомъ отъ чаекъ не бываетъ. Разговору да крику птица даетъ много, только привычному человѣку и на выносъ!» Тутъ и гусь гогочетъ прежде всѣхъ, тутъ и гага—драгоценная своимъ нѣжнымъ и теплымъ и легкимъ пухомъ—звенитъ своимъ горяшкомъ, словно въ стеклушки; утка сычигитъ; чайку слышишь. И всему этому крику радуется промышленникъ. Снарядили мезенцы лодки и отправились на Калгуевъ въ гости къ тамошнимъ самоѣдамъ, да на бой птицы. Море или гладью отдаетъ, или же легонькой волной-моряночкой и поталкиваетъ себѣ суденко. То со скуки мореходъ хлѣбца потреплетъ, то семушки поѣстъ, если не забылъ прихватить ее съ собой. А вотъ и завидѣлся самъ островъ Калгуевъ, островъ большой: его развѣ въ недѣлю объѣаешь на быстрыхъ лыжахъ. Глядишь: поднялся изъ воды и островной лѣсокъ-талничекъ на смѣхъ—боръ дремучій, въ поларшина отъ земли. Завидѣлись и самоѣдскія островерхія жилия. Стой, пріѣхали: молись Богу, да ступай въ гости къ знакомому самоѣду; онъ приметъ ласково, заколетъ для тебя, по обычаю, оленя, а ты поподчуетъ его водкой и при отъѣздѣ оставишь ему въ подарокъ бочку соленой птицы-гуса.

Началась охота... Май, июнь птицу стрѣляютъ изъ ружей; складываютъ кучи. И въ кучахъ этихъ она, въ ожиданіи засолу, къ сожалѣнію тухнетъ: особенно при теплой погодѣ, а то и сама прѣетъ. Уже по окончаніи ружейной охоты за нее возьмутся:

посолятъ ее и складутъ въ бочки. Конечно жаль, что ведется такъ дѣло; оно могло бы не быть такимъ, и соленая птица дала бы вкусную, свѣжую пищу.

Съ начала іюля птица принимается линять, ронять свои перья. Ленный гусь летать уже не можетъ. Онъ сидитъ на одномъ мѣстѣ, молчитъ и какъ бы прячется, какъ бы стыдится своей наготы. Выбираетъ гусь для своего сидѣнья такія малыя озера, въ которыхъ есть проходы въ озера большія; въ эти онъ ходитъ изъ малыхъ за пищей. Тогда наступаетъ для промышленниковъ легкой и забавный ловъ: о ружьяхъ и порохѣ уже нѣтъ и помину: облачилиаго, лишившагося способности летать, гуса хватаютъ руками на всѣхъ переходахъ изъ малыхъ озеръ въ большія, стало быть на пути птицы ставятъ сѣти, разметывая ихъ крыльями далеко по сторонамъ. Со стороны малыхъ озеръ сдѣланы въ сѣти проходцы: проходцы эти такъ и заводутъ птицу въ сѣть, на берегъ; и дорожка на берегъ устроена такъ, чтобы птица, разъ попавъ на нее, не задумалась повернуть назадъ: къ озеру дорожка поката, а къ серединѣ ея подъемъ на берегъ очень крутъ. Когда хотять загонять гусей въ сѣти, ихъ спугиваютъ съ малаго озера къ проходу въ большое. Для этого спускаютъ собакъ. И собаки лаятъ, лаятъ и промышленники. Гусь и потянетъ къ горку въ большое озеро: вся сноровка въ томъ, чтобы гуси не вышли на берегъ раньше, помимо прохода въ сѣти; вся сноровка въ томъ, чтобы попалъ на желанную дорожку гусь передовикъ, гуся вожакъ. Случается—побѣ-

гуть гуси на вольный берегъ, — ихъ не догнать бы быстроногими оленями. Если же попалять одинъ гусь въ сѣтявые ворота, за нимъ побѣжить и второй, и третій, и сотый, и вся стая останется въ рукахъ человѣка. Человѣку остается теперь только одно — прыгнуть вслѣдъ за птицами, ловить ихъ въ охапку да отвертывать имъ головы.

Но есть и свои трудности въ такой легкой охотѣ за гусями. Трудности эти причиняютъ хитрые сѣрне гуси гуменники: они ловко умѣютъ прятаться и не легко поддаются промысловымъ хитростямъ: ихъ надо съ великимъ умѣньемъ согнать въ стадо, на середину озера: они не идутъ на открытую воду и боится собираться въ кучку. Во время охоты за гуменниками промышленники и собакъ не спускаютъ съ привязи и ѣдутъ за птицей на лодкахъ, гребутъ какъ можно тише, даже не разговариваютъ другъ съ другомъ. И все-таки случается — выбѣжить гдѣ либо на берегъ одинъ изъ гусей, а за нимъ и всѣ, и все стадо пропало: его не догнать, не собрать. Но есть и такой гусь, называемый клокотомъ, который просто самъ дается въ руки человѣку; онъ добровольно заходить въ промысловыя избы, если не промышленники сами загоняютъ его туда для потѣхи. Соленыхъ гусей въ бочкахъ вывозится съ Калгуева до ста тысячъ штукъ, а можно бы, по признанію самихъ промышленниковъ, вывозить и гораздо болѣе. И мало ли, что еще можно вывозить хоть бы съ того же Калгуева... Такъ, на Калгуевѣ налетаетъ со стороны еще дальше лежащаго на сѣверъ океанскаго острова

Груманта грумантская гага или турпанъ. Налетаетъ эта птица несмѣтнымъ множествомъ. И садится она на южныхъ прибережныхъ камняхъ Калгуева. Ее не стрѣляютъ вовсе. Отъ одного ружейнаго выстрѣла всѣ турпаны разбѣжались бы въ разныя стороны; какъ линялыхъ гусей, ихъ гоняютъ на берегъ въ сѣти. Тяжело бѣгутъ жирные турпаны къ сѣтямъ, бѣгутъ переваливаясь съ боку на бокъ, да еще отдыхаютъ дорогой; посидятъ, посидятъ, а тамъ ихъ опять подгоняютъ. Эта птица употребляется также въ пищу соленою и даетъ чрезвычайно жирный пухъ.

Богатъ островъ Калгуевъ: всѣ его южные холмы убѣлены дорогимъ пухомъ гаги; островъ укладенъ вплотную пометомъ всякой морской птицы, этимъ гуано, превосходнымъ удобрениемъ для почвы... И надо желать, чтобы и бой птицы, и засоль ихъ расширились и улучшились; надо желать также, чтобы и прибыльная торговля пухомъ пошла впередъ; гуано также можетъ найти себѣ употребленіе: имъ могутъ удобривать сѣверную скудную почву, такъ туго и бѣдно рождающую хлѣба.

4. Мурманскіе промыслы.—Тресковый промыселъ.

Сѣверный берегъ Лопьскаго полуострова называется Мурманскимъ берегомъ. Въ океанѣ по этому Мурманскому берегу производятся ловы разной океанской рыбы и особенно трески.

Эта рыба поменьше полутора аршина длины. Бѣлое масо ея хорошо извѣстно бѣдному люду, она —

пища дешевая. Треска поступаетъ въ продажу или сушеная, и тогда называется штокфишъ, или соленая — лабарданъ. Она водится въ океанѣ огромнѣйшими стаями. Зиму проводитъ она въ водной глубинѣ; съ января всплываетъ на поверхность и идетъ къ океанскимъ побережьямъ метать икру. Тогда сплывается у этихъ побережий, на ловъ этой рыбы, большое количество судовъ: у однихъ западныхъ береговъ Норвегіи занято этимъ ловомъ до двадцати тысячъ людей. Къ намъ, на Мурманское побережье, заплываетъ треска отсюда, съ запада; заплываетъ она какъ бы случайно, ища себѣ пища по побережьямъ; но все-таки ее бываетъ такое изобиліе, что и незамѣтны такія ея случайныя посѣщенія. Питается треска легкой океанской рыбой мойвой и песчанкой, а мойва и песчанка морскими червями и мелкими морскими ракообразными животными. Потому, когда случится на Мурманскомъ берегу неурожай этихъ животныхъ — нѣтъ и мойвы, и песчанки, не приходится и трески. Но если малъ уловъ трески въ который годъ — это еще не значитъ, чтобы она оскудѣла; она пожалуй не придетъ и еще годъ, и два, и три, но за то потомъ приплыветъ все-таки въ огромномъ количествѣ; и чѣмъ неурожайнѣе были на треску одни годы, тѣмъ обильнѣе будутъ слѣдующіе за тѣмъ годы. Стало бытъ нечего бояться вылова трески: это не такая мѣстная рыба, которую выловишь и затѣмъ ужъ ничего и не осталось. Порядка въ слѣдованіи урожайныхъ и неурожайныхъ на треску годовъ не замѣчено никакого; можно ска-

зать только одно: на всякія десять лѣтъ непременно выпадаетъ по нѣскольку обильныхъ и необильныхъ годовъ. Треска любитъ держаться на значительной глубинѣ; оттого ея ловы были бы затруднительны, если бы только Мурманскій берегъ былъ отмелый, пологій; но, къ счастью, онъ идетъ въ море приглубоко, обрывисто; къ несчастію весь Лопьскій полуостровъ, какъ и сосѣдняя съ нимъ Финляндія, — каменная гранитная скала, круто выдвинувшаяся со дна морского. Изъ другихъ тресковыхъ рыбъ на Мурманѣ вылавливаются еще: никшуй или тикшуй — также треска, только помельче, и сайда, рыба ростомъ небольше полуаршина.

Сайда, рыба совсѣмъ другихъ нравовъ, чѣмъ треска и никшуй. Треска такъ прожорлива, что идетъ на всякую наживу, будь она живая или мертвая; будь то даже сама же треска, рубленая на куски. Оттого треску и ловятъ на крюкъ. Сайда же всегда хватаетъ мелкую рыбку живую; она и не пошла бы на сонную наживку крючка. Ее нельзя было бы ловить на крючокъ еще и потому, что она рыба чрезвычайно рѣзвая: плаывая всегда цѣлыми стаями, она то покажется на водѣ, то уйдетъ въ глубь. Поэтому стаи ея выслѣживаютъ на лодкахъ и ловятъ сѣтями.

Палтусина — рыба изъ породы камбалъ. Какъ и всѣ камбалы, рыба эта сплюснута: спина у нея вся и оба глаза на одномъ боку, животъ на другомъ; оттого одна ея спинная сторона — темноцвѣтная, а другая брюшная — бѣлая; оттого всякая камбала и

плавает бокомъ, плашмя. Обыкновенный вѣсъ палтусины — два пуда; но попадаются въ океанѣ и такія рыбищи, которыя вѣсятъ до пятнадцати пудовъ. Мясо камбалы такъ же жирно, какъ мясо тресковыхъ рыбъ — сухо.

Полезна и океанская звѣрь-рыба акула, величиной даже въ двѣ и двѣ съ половиной сажени. Акула ловится исключительно для своей жирной печени, максы, изъ которой добывается жиръ. Жирную же печень, максу, даютъ и треска и сайда; изъ тресковой печени вытапливается извѣстный своею цѣлебностью тресковый жиръ.

Наконецъ стоитъ сказать еще о двухъ примурманскихъ рыбахъ, хотя и не доставляющихъ никакой особой поживы человѣку, однако любопытныхъ. Эти рыбки: морской окунь и зубатка. Морской окунь, красивая рыба, краснаго цвѣта; у него въ пузырьѣ всегда столько сжатаго воздуха, что воздухъ этотъ непрѣнно расперъ бы рыбу, если бы вода не удерживала его, давая на все тѣло рыбы; за то лишь только вытаскать морского окуня изъ воды — воздухъ изнутри начинаетъ выдавливать: глаза морского окуня выдуваются, а желудокъ выходитъ черезъ ротъ. — Морской окунь попадаетъ на архангельскомъ рынкѣ больше какъ рѣдкость. Зубатка въ свѣжемъ видѣ употребляется рѣдко; и вотъ почему: для нѣкоторыхъ людей она положительно вредна и производитъ тошноту и рвоту; другіе же, странно, ѣдятъ ее безъ дурныхъ для себя послѣдствій. По причинѣ сказаннаго свойства ея — ее болѣе употребляютъ въ соленомъ видѣ.

Разсказавъ о разныхъ океанскихъ рыбахъ, перейдемъ къ разсказу объ ихъ ловлѣ, ихъ приготовленіи на потребу человѣка и ихъ сбыту.

Когда начинаетъ близиться къ своему концу зима, когда наступаютъ, въ первыхъ числахъ марта мѣсяца Евдокии, то есть день св. Евдокии, начинаетъ двигаться послѣ зимняго сидѣнья дома, все бѣломорское населеніе, отъ устьевъ рѣки Онеги и до верховьевъ Кандалашской губы, стало быть все южное и юго-западное Бѣломорское побережье; задвигалось оно потому, что время отправляться на дальній Мурманскій берегъ, на тресковые промыслы. А зажиточные изъ поморскихъ мужиковъ тѣмъ временемъ снаряжаютъ отъ себя покруты и нанимаютъ въ эти покруты ребятъ, своихъ же бѣдныхъ земляковъ. И въ каждый покрутъ, на тресковые промыслы, то есть для каждой лодки, двѣ ли ихъ у хозяина, три ли, на Мурманскомъ берегу, каждый хозяинъ подряжаетъ по четыре человѣка: кормщика, тяглеца, весельщика, наживодчика. Кормщикъ — глава промысловой лодки, онъ распоряжается тресковымъ ловомъ; онъ сѣумѣетъ и снасть забросить, какъ слѣдуетъ, и знаетъ гдѣ ее забросить; тяглецъ тянетъ снасть, весельщикъ — гребетъ; наживодчикъ насаживаетъ на крючья тресковую приманку, мойву ли то, песчанку, куски ли то той же трески, или же морского червя.

Наступаетъ день отправленія въ дальній путь. Хозяева въ каждой бѣломорской деревни, отправляющей изъ себя покруты, задаютъ прощальный обѣдъ,

сытный и жирный. На обѣдѣ этомъ ѣдятъ промышленники и треску, обильно облитую масломъ съ рубленными яйцами, и жареную семгу или навагу — и все это запиваютъ хозяйской даровой водкой, да даже и ромомъ и винограднымъ виномъ, хересомъ, привозимыми съ запада изъ сосѣдней Норвегіи. Выступаютъ промышленники въ путь-дорогу, дорогу дальнюю и трудную: приходится имъ прокладывать этотъ путь не по морю — оно еще стоитъ замерзшимъ у береговъ, а по трудному сухопутью, вдоль по южному и юго-западному Бѣломорскому берегу, и на сѣверъ, наперерѣзъ чрезъ Лопьскій полуостровъ. Разумѣется, бабы голосятъ провожая своихъ. И понимаютъ же путниковъ въ ихъ странствіи и крѣпкіе холода, и упорные вѣтры, дующіе съ сѣвера, и на сажень въ высоту залегшіе снѣга. Благо имъ, если морозецъ скрѣпитъ эти снѣга какъ бы твердой обледѣлой корой: тогда легко бѣжать на лыжахъ, имъ, укутаннымъ въ одежды изъ оленьихъ шкуръ. Разговоровъ не слышно: не до разговоровъ въ тяжелой дорогѣ; за то учащеннѣе слышатся лай и визги большихъ бѣломорскихъ желтыхъ собакъ, запряженныхъ въ салазки, кережни, со всякой нужной кладью; а салазками тѣми управляютъ ребята малые, ѣдущіе также на промыслы, исполнять мелкія черныя работы и исподволь приучаться къ трудному рыбачьему дѣлу. И такъ впереди несутся на лыжахъ въ переронку и только отдуваются, быстро перемѣняя одну ногу другой и подкатывая себя все дальше и дальше, большаки артельные. Сзади прыгаетъ и замѣтно

отстаетъ весь поѣздъ съ собаками и ребятами. И какъ же не труденъ этотъ переходъ зимою, по пустыннымъ мѣстамъ, когда и обогрѣться негдѣ? Когда приходится отдохнуть лишь у убогаго огонька, разведеннаго тутъ же на снѣгу? А если пригрѣеть солнышко, то, правда, на лучахъ его и отойдутъ обледѣлыя рукавицы и бахивы; но скрылось солнце, и эти рукавицы и бахивы еще пуще замерзли, и замерзли такъ, что только и можно отогрѣть ихъ у собственного тѣла. Все это, конечно, весьма тяжело для непривычныхъ малютокъ ребятюкъ, но большаку съ этимъ ничего бы еще справиться, если бы не страшная хивуса! Хивуса эти какъ подымутъ снѣжную пыль въ пустыряхъ тундры, то нерѣдко такъ и заметутъ странниковъ. Одно тутъ спасенье: переворачивай кережни полозьями вверхъ, да и ложись подъ нихъ; лежи и терпѣливо жди, когда уйдетъ погода. А между тѣмъ тебя такъ занесло да замело, что ты очутился волей-неволей въ снѣжной коморкѣ, и видишь ты изъ нея свѣтъ Божій лишь въ малое отверстіе, которое пробуравилъ надъ собой для воздуха въ снѣгу.

И вотъ погода перешла, промышленники выгреблись изъ своего снѣжнаго вертепа, и вспоминаютъ: «Наше дѣло еще что? полусутокъ-то почитай не лежали; а вотъ лопари на тундрѣ (инородцы Лопьскаго полуострова) трое было — такъ заснули, надо быть, подъ чункой-то: по веснѣ ужъ нашли, что кисель, сказываютъ, совсѣмъ сгнили; такъ-де черные, какъ уголь — черные! А бываетъ, что и по суткамъ

лежать, и ничего; только надо въ носу щекотать, чтобы сонъ не бралъ».

Пространствовавъ даже больше мѣсяца, истративъ въ пути на свои непрехотливыя требы по пяти рублей на брата, путники промышленники наконецъ приходятъ и на Мурманъ, приходятъ и къ своему мѣсту, къ промысловой избенкѣ, выстроенной рядомъ съ другими четырьмя-пятью избенками у какого нибудь удобнаго заливчика крутого Мурманскаго берега. Всѣ эти избенки и составляютъ рыбацкое становище; и становищъ такихъ на долгомъ Мурманѣ штукъ двадцать. И набирается въ нихъ до полуторы тысячи промышленниковъ. И что же находятъ промышленники въ своихъ промысловыхъ избенкахъ? Да вотъ что находятъ: четыре закоптѣлыя стѣны, хоть кое-какъ и заткнутыя мхомъ, но все же со щелями, въ одной стѣнѣ, пожалуй какъ бы и чудомъ, уцѣлѣла еще рамка со стекломъ; за то другія рамы просто заткнуты кускомъ армячины; сверху потолокъ избенки изогнулся, покривился и покрытъ копотью. Въ углу печка, кое-какъ смятая изъ глины и песку; подлѣ нея полусгнившія нары, кругомъ покривившіяся лавки, обезноженная скамеечка, да въ углу почернѣвшій и полонавшійся образъ. Тутъ же, въ избѣ, двѣ самодѣлки — деревянные ложки, берестяная коробочка съ отсырѣвшею грязнаго вида солью, ведро для воды, ножикъ, мѣшочекъ съ мукой и сухарями, сачокъ для рыбы. Всѣ эти принасы оставлены были промышленниками еще съ прошлаго года, оставлены были, по благочестивому

святому обычаю, на потребу странника, если бы онъ сбился съ пути въ этихъ неприятныхъ сѣверныхъ мѣстахъ.

Всѣ такія промысловыя избы, съ хранимыми, въ тутъ же выстроенныхъ амбарахъ, запасами рыбы, съ осени наловленной, оставлялись на долгую зиму подъ присмотръ и наблюденіе окрестныхъ инородцевъ финскаго племени, лопарей. Но теперь съ весной пришли сюда снова промышленники! Уже начало апрѣля; скоро пора имъ приниматься за работу, въ ихъ становищахъ, опять зажившихъ жизнью до осени; но придется взяться за ловы не раньше мая... Въ началѣ апрѣля въ океанъ нѣтъ еще доступу: у береговъ еще вплотную лежатъ ледяныя припай. Между тѣмъ вѣтры начинаютъ дуть съ меньшимъ ожесточеніемъ; снѣга, еще сильно устилающіе здѣсь землю въ началѣ апрѣля, къ срединѣ этого мѣсяца уменьшаются, начинаютъ падать туманы столь густые, что въ двадцати шагахъ не разглядишь и избы. Въ маѣ и припай разошлись. Море стало свободно. Къ этому времени у cadaго заботливаго покрута промышленниковъ, конечно, уже совершенно готовъ та единственная снасть, которою промышленяютъ на Мурманѣ всякую рыбу, за исключеніемъ сайды, готовъ ярусъ.

Ярусъ — это длиннѣйшая, перѣдко въ цѣлыя семь верстъ веревка, составляемая изъ отдѣльныхъ веревокъ-колѣнъ (каждая въ 30—40 сажень), называемыхъ столиками или стеклинами. На ярусѣ аршина на два другъ отъ друга привязаны полу-

тора-аршинныя тонкія бичевочки, съ крючьями на концахъ.

Когда надо отправляться на промыселъ, на шняку, плоскодонномъ съ вздернутою кормою и носомъ промысловомъ суднѣ, укладываются стеклины, для порядку свернутыя каждая въ клубки; ихъ связываютъ въ ярусъ, уже пріѣхавъ на мѣсто лова; на крючья надѣваютъ наживку; затѣмъ ярусъ запускаютъ въ воду на двухъ якоряхъ: каждый изъ якорей привязанъ къ каждому изъ двухъ краевъ яруса особыми веревками, которыя, выходя другимъ своимъ концомъ на поверхность моря, привязаны къ плавающимъ деревяннымъ чуркамъ; а на чуркахъ этихъ укрѣплено по махавкѣ. Махавка — шесть съ метелкой. Якоря не даютъ ярусу сойти съ мѣста; махавки же на губачахъ показываютъ человѣку, гдѣ заброшенъ ярусъ. И если только есть хоть малое волненіе, махавка непременно будетъ приподниматься надъ водой, будетъ кланяться, махать своей метлой: и «смотри-де человѣкъ: мы съ ярусомъ здѣсь, ты здѣсь насъ забросилъ». И тогда только ляжетъ эта махавка совсѣмъ на воду, когда уже нѣтъ никакого волненія, когда море совсѣмъ, какъ говорится, остеклѣетъ, станетъ какъ стекло ровнымъ, а это бываетъ весьма рѣдко: всегда есть зыбь, хоть и самая малая. Треска, любящая держаться на глубинѣ, плавая, натывается на ряды висящихъ на затопленномъ ярусѣ крючьевъ, хватается за наживку и попадаетъ на нихъ; чтобы она не могла оторвать крючка, онъ обвертывается смолой.

Передъ отправленіемъ на ловъ трески, по обыкновенію, сначала ѣдутъ добывать наживку, мойву, съ конца мая до Петрова дня, а послѣ этого времени, когда мойва уже проходить, песчанку; если же годъ неизобилень этими рыбами, то собираютъ для наживки и морского червя.

Для лова мойвы соединяются всегда по четыре промышленныя партіи, хотя бы то и разныхъ хозяевъ: и ѣздить за ней безостановочно, поочередно; потому такъ, что мойву трудно отыскивать: она ходитъ скучившись. За песчанкой ѣздить на особыя отелыя мѣста, гдѣ сталкиваются разныя промышленныя партіи, пріѣхавшія каждая сама по себѣ. Тутъ не обходится безъ дракъ: каждый спѣшитъ наловить, путаются другъ за друга своими неводами, ругаются. Наловивъ песчанку съ вечера, ѣдутъ на тресковый промыселъ ночью, а на другой день слѣдуетъ уже и самый ловъ. Стало быть онъ приходится черезъ день. Гдѣ же нѣтъ вблизи песчанки, то тамъ и ловы слѣдуютъ рѣже другъ за другомъ.

Морской червь — странное животное. Онъ величиной въ 4 или 6 арш. Питается пескомъ, вдавливаясь въ него ртомъ и уходя въ образующуюся такимъ образомъ пустоту въ песокъ. Пропуская проглоченный песокъ черезъ свой желудокъ, морской червь извергаетъ его черезъ проходъ, какъ бы червообразными катышками, толщиною въ гусиное перо. Стало быть, животное это не легко можетъ попасться просто на глаза людямъ, которые ищутъ: оно все

сидить въ песокъ; его примѣчаютъ только по оставленнымъ имъ катышкамъ и, примѣтивъ, вытаскиваютъ изъ песка особымъ желѣзнымъ гребнемъ о 5 или 6 зубьяхъ.

Наровять всегда выѣхать такъ на промысль, чтобы выметать ярусъ въ самое низкое стояніе моря, гдѣ онъ и остается цѣлую воду, то есть шесть часовъ, до полного прилива, до самаго высокаго стоянія воды. При выметываніи яруса нужны большая снаровка и расторопность. Пока тягалецъ вынимаетъ клубки, разматываетъ ихъ, связываетъ въ ярусъ, распутываетъ крючья, порядкомъ связанныя въ петли, наживодчикъ не отставай отъ него; быстро и мѣтко насаживай на крючья наживку. Затѣмъ, кормщикъ, выбравъ выгодное мѣсто, выметываетъ ярусъ; сначала выбрасываетъ одинъ изъ якорей съ кубасомъ. Забросивъ ярусъ, онъ продолжаетъ тѣмъ временемъ безостановочно выметывать его, а весельщикъ и тягалецъ гребутъ. Пробылъ ярусъ воду въ морѣ, отправляются стряхивать его, обирая добычу: вытаскиваетъ ярусъ тягалецъ, — работа очень тяжелая. Онъ же и кормщикъ снимаютъ рыбу, выпихивая изъ ея пастей крючья особо устроенною дощечкою; наживодчикъ занятъ тутъ же уборкой крючьевъ, весельщикъ гребетъ. Когда ловы изобильны, случается опускать ярусъ, тутъ же во второй разъ. И между такими двумя ловами наживодчикъ занятъ, конечно, уже не уборкой крючьевъ, а новымъ насаживаніемъ наживки. И ему приходится отъ такой работы круто, особливо когда бываетъ очень холодно: хотя корм-

щикъ и тягалецъ, стряхивая ярусъ, тоже несутъ не легкую работу, но все же они согрѣваются усиленнымъ движеніемъ; и пусть ихъ обливаютъ морозною водою мокрый ярусъ, у нихъ надѣты на рукахъ рукавицы; бѣдный же наживодчикъ, младшій изъ всѣхъ четверыхъ, не имѣетъ даже и рукавицъ на свою долю и долженъ вынимать голыми руками изъ воды мѣшки съ наживкою, куда та была опущена, чтобы оставалась гибкою и свѣжею; и долженъ онъ голыми же руками насаживать эту наживку на холодные ледяные крючья: отъ уколовъ и царапинъ, неизбежныхъ при такой работѣ, конечно, не удержаться, а въ эти уколы и царапины входитъ ѣдкая морская вода, и разъѣдаетъ ихъ. Когда возвратятся на берегъ, ярусъ приводится въ порядокъ, разбирается въ тюки; тюки кладутся для провѣрки на козлы — палтухи. Этою работою заняты ребята промышленниковъ, зуйки. Зуйками ихъ называли вотъ почему; жалованья они не имѣютъ никакого, а за свои помочи на промыслахъ получаютъ кое-какія подачки (по рыбѣ съ двухъ стеклинъ), словно бы тѣ маленькія чайки-зуйки, которыя всегда живутъ у рыбацкихъ становищъ, и питаются выкинутыми остатками отъ промысловъ, тресковыми внутренностями и головами.

На крючья попадаетъ не одна треска, но также и однородный съ нею никшуй или тикшуй. Конечно, промышленники не рады этому: мѣсто никшуй занимаетъ такое же, а мяса даетъ меньше. Но злые враги для промысловъ — морскія ракообразныя жи-

вотныя, напримѣръ длиннохвостые десятиногіе раки. Эти не только объѣдаютъ темными осенними ночами всю наживку, но и забираются въ самую пойманную рыбу и выѣдаютъ ея мясо. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра. Мы видѣли, что этими ракообразными животными питаются мелкія рыбы, а не будь мелкихъ рыбъ, не приходила бы треска къ мурману.

Привезенную въ становище треску сейчасъ же начинаютъ раздѣлывать: отрубаютъ ей голову, разрѣзаютъ по спинѣ на двое такъ, чтобы спинная кость оставалась на одной половинѣ; внутренности вынимаютъ и вѣстѣ съ головами бросаютъ въ воду, какъ негодныя. Затѣмъ, промывъ рыбу, ее если хотятъ солить, складываютъ въ амбары, рядами, рядъ на рядъ — крестообразно, пересыпая ряды солью. Если же сушатъ, то, дѣлая у хвоста отверстія, навязываютъ на жерди палтухи. Вся эта работа, какъ и самый ловъ, правильно раздѣлена между четырьмя лицами покрута. Тяглецъ отрѣзаетъ головы, кормщицъ пластаетъ рыбу и выбираетъ внутренности; наживодчикъ отбираетъ тресковую печень (максу) и складываетъ ее въ кадки, весельщикъ носитъ рыбу въ амбары. Сушатъ рыбу обыкновенно тогда, когда еще холодно, нѣтъ дождей, и когда, поэтому, рыба не загниваетъ. Надо замѣтить, что наша сушка трески не такъ хороша, какъ норвежская: тамъ рыбу раздѣляютъ совсѣмъ, и она остается соединенною только хвостомъ; такъ ее и сажаютъ сушиться, какъ бы верхомъ. Сверхъ того кость отдѣляютъ совсѣмъ.

Оттого вода, которой всегда остается немного на рыбѣ, не можетъ запасть за кость, оттого не происходитъ и загниенія рыбы; оттого у норвежской трески и нѣтъ столь сильнаго неприятнаго запаха, какъ у нашей. Спрашивается, отчего же русскіе промышленники не переймутъ у норвежскихъ такого хорошаго способа сушить? Оттого, что при норвежской сушкѣ мяса усыхаетъ больше, чѣмъ при русской, и, теряя въ своемъ вѣсѣ, рыба, какъ бы дѣлается оттого дороже на каждый фунтъ. Простой народъ не сталъ бы охотно покупать болѣе дорогую пищу, хотя бы она и была вкуснѣе; а то, что сушеная по-норвежски треска вкуснѣе и здоровѣе, питательнѣе, ему это все равно. Не мѣшало бы перенять у норвежцевъ и ихъ сушильни, состоящія изъ навѣсовъ на столбахъ, а то у насъ, снимая просушившуюся треску съ палтухъ, складываютъ крестообразно просто, на землю, въ кучи — костры, пригнетая досками, и рыба не закрыта отъ дождей. Да мало ли чтó полезное еще можно бы было перенять? Безобразныя шняки пора замѣнить легкими на ходу и не боящимися морской непогоды, красивыми норвежскими судами ёлами; въ нихъ легко ѣздить подальше въ море, когда треска не подходитъ близко къ берегамъ; головы тресковыя можно было бы не бросать, а употреблять ихъ, какъ въ Норвегіи, на удобреніе скудной сѣверной земли...

Теперь посмотримъ, какъ ловятся сайда и акула. Сайда, мы видѣли, рыба рѣзвая и ходитъ стаями: отъ времени до времени подымается она изъ морской

глубины на поверхность огромными кучами и безпрестанно выпрыгиваетъ изъ воды. Очевидецъ рассказываетъ, что судно его въѣхало однажды въ такую стаю сайды; молодая сайда совершенно окружила судно: въ какой нибудь часъ времени вытащили на обыкновенную удочку, дергая ее, какъ блесту, по водѣ, пятьдесятъ рыбъ. Въ другой разъ судно попало въ стаю еще гуще; каждую минуту рыба выскакивала изъ воды во весь ростъ; каждую минуту на каждую сажень приходилось по рыбѣ: море казалось серебрянымъ. Сайда въ послѣднее время водилась не у нашего Мурманскаго берега, но у береговъ Норвегii. Теперь же она начала снова показываться и у насъ въ изобилiи. Посчастливится наплыть на стаю сайды, берутъ четырехугольную сѣть, сдѣланную мѣшкою, сажень въ 17 величины. Сѣть подводятъ съ четырехъ лодокъ подъ стаю; потомъ начинаютъ бить веслами по водѣ, чтобъ сплунуть рыбу на середину сѣти, и за четыре конца вытаскиваютъ сѣть изъ воды. Иногда вылавливали такимъ образомъ по четыре полныхъ шняки, то есть по двѣсти пудовъ рыбы, что давало еще максы до 40 пудовъ; а пѣна одной максы, въ свѣжемъ видѣ, по рублю съ пуда. Мало того, случалось повторять такой ловъ по три, по четыре раза въ одни сутки. Готовятъ сайду такимъ же образомъ, какъ и треску, то есть сушатъ и солятъ, отрубивъ головы.

Ловъ акулы производится такъ: съ кормы судна пускаютъ на желѣзной пѣни, длиною въ сажень или въ полторы сажени, желѣзныи же крюкъ. Крюкъ

вертится на гайкѣ, а ниже его, на веревкѣ, виситъ грузило, гири. На крюкъ насаживается кусокъ жаренаго тюленьяго жира; эта наживка издалика привлекаетъ своимъ запахомъ акулу къ судну, благо у акулы весьма тонкое чутье. Для того же, передъ ловомъ, опускаютъ съ судна еще и продыравленный деревянный ящикъ съ тюленьимъ же жаренымъ саломъ. Поймавъ акулу, ее приподымаютъ на пѣни изъ воды и даютъ ей поутомиться; иначе эта бойкая, сильная и зубастая тварь можетъ надѣлать бѣды; когда ее, полуживую, вытащатъ совсѣмъ на судно, и тутъ надо быть съ нею осторожнымъ. Ее убиваютъ колотушками, обитыми желѣзомъ.

Всю наловленную на Мурманѣ рыбу привозятъ къ Архангельску, по Бѣлому морю, на суднѣ. Трески привозится ежегодно до 340,000 пудовъ (изъ коихъ до 85,000 сушеной); сайды — до 45,000 пудовъ; прочей рыбы, то есть соленой палтусины и никшья 40,000 пудовъ; да сверхъ того до восьми съ половиной тысячъ пудовъ тресковаго жира, и для бѣднѣйшаго сѣвернаго населенiя до 7,000 пудовъ соленыхъ тресковыхъ головъ (Пудъ послѣднихъ стоитъ только десять копѣекъ серебромъ!) Все это рыбное добро пѣнится болѣе чѣмъ въ триста пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ.

Но всей нашей рыбы далеко не хватаетъ для удовольствiя нашего русскаго населенiя, преимущественно сѣвернаго. Остальное мы добываемъ изъ со сѣдной Норвегii мѣною на произведенiя нашей русскаго земли. Мы возьмемъ въ Норвегiю главнымъ обра-

зомъ ржаную муку, доставляемую въ Архангельскъ съ юга, по Сѣверной Двинѣ; всѣхъ же произведеній нашихъ (хлѣбъ, доски, сало) вывозится почти на миллионъ рублей, на 400 судахъ. А привозится всякой рыбы изъ Норвегіи отъ 600 до 800 тысячъ пудовъ. Въ 1860 же году, по случаю избытка лова сайды въ Норвегіи, ввозъ оттуда рыбы въ Россію дошелъ даже до миллиона пудовъ.

Съ наступленіемъ конца августа мѣсяца рыба на Мурманѣ идетъ рѣже; молоденькія чайки габары выросли, возмужали и собираются вмѣстѣ съ родителями отлетать на югъ. Затянули сѣверные холодные вѣтры вмѣсто теплыхъ южныхъ, береговыхъ. Морозка по прибережнымъ тундрамъ поблекла и заволокла сѣверная же карлица — береза уронила свою зажелтѣвшую листву, и та уже успѣла загнить. По всему пора промышленникамъ думать и о возвратѣ домой. Излишекъ рыбы, наловленной къ осени, они оставляютъ на сбереженіе лопарямъ, а сами, нагрузивъ суда свѣжей, едва просоленной треской, направляются въ Бѣлое море, а по нему и къ Архангельску. — И если попадетъ суденко въ струю сѣвернаго сполутнаго вѣтра — живо, дня въ три, добѣжитъ оно и къ мѣсту, и въ самое время. А въ началѣ сентября въ городѣ Архангельскѣ замѣтно большое оживленіе: идетъ ярмарка. Вся Двина передъ длинною городской пристанью вплотную заставлена бѣломорскими судами, а покатая къ рѣкѣ площадь гостинныхъ рядовъ людка такъ, какъ ни въ какое другое время года. Торговки, обыкновенно появляющіяся

только по вторникамъ, торгуютъ теперь на площади цѣлый день передъ столиками, заложеными шерстяными чулками, ситцами, всякой рухлядью, подержанной и подновленной. На плотахъ набережной цѣлыя артели поденщицъ-женщинъ, называемыхъ по-архангельски жонками, перемываютъ треску отъ грязи, которая напласталась на ней въ грязныхъ мурманскихъ амбарахъ. — И вся эта ярмарка, и все это движеніе, конечно, появились на свѣтъ Божій отъ того, что навезено къ сентябрю рыбы изъ-заграницы и съ Мурмана, и у воротившагося съ промысловъ люда есть и деньги, полученныя за трудъ отъ хозяевъ, и людъ этотъ передъ отъѣздомъ въ свои деревни запасается всѣмъ нужнымъ для своего домашняго обихода. А архангельцы! — благо дорвались они до дешеваго, вкуснаго, сытнаго трескового мяса: такъ и сплываютъ по городскимъ улицамъ: кто прихватилъ два-три звена любимой лакомой рыбы въ плетушку, кто въ лукошко, а кто и такъ подъ мышку. Не минуешь треска и богатаго обѣда архангельскихъ богачей.

А между тѣмъ, пока гуляетъ промысловый народъ въ городѣ Архангельскѣ, запасаясь на зиму всякимъ добромъ и тѣшась послѣ мурманскихъ трудовъ, въ бѣломорскихъ деревняхъ его ждутъ не дождутся домой, матери, жены, дѣти. Бабы молятся о сполутныхъ погодахъ и цѣлымъ селеніемъ, и каждая порознь, въ одиночку, всякая о своемъ сердобольномъ. Ребятишки цѣлый день не сходятъ съ деревенскихъ колоколенъ, смотрятъ на море вдаль: не запо-

щится ли бѣлый парусокъ между синихъ волнъ, не завидѣется ли ладья? Еще издали отличаетъ привычный глазъ не только ладью своего отца, но и ладью своего сосѣда. И вотъ несутся съ колокольными радостными крики ребятишекъ: «Чобѣ, чобѣ-чебо-нять, матушки-лодейки наши деревеньки!» И бѣжить весь людъ встрѣчу дорогимъ сыновьямъ, отцамъ и братьямъ... и конца-то нѣтъ радостямъ: «красавцы вы наши благодѣтели, радости вы наши небесныя! Разнесло-то васъ, раскрасавило! жилось безъ васъ тужилось, а теперь вотъ и счастье наше приключилось!»

Если же случится, который изъ промышленниковъ сложить свою кудрявую голову на дальнемъ промыслѣ океанскомъ, если недосчитаются кого — не пойдутъ его товарищи сказывать его матери, женѣ, сестрѣ про смерть его злополучную... не пойдутъ они потому, что духу у нихъ на то не хватаетъ: сама и такъ догадается: замѣтитъ, какъ бабы начнутъ тайкомъ отъ нея собираться и голосить.

